ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 154 (3183) Вторник, 29 декабря 1953 г. Цена 40 коп.

РАССКАЗЫВАЮТ ПИСАТЕЛИ...

Планы на новый, 1954 год

В 1953 году я написал для «Мосфильма» киносценарий о строителях высотных зданий в Москве. Тема сценария — забота о человеке. Принимал участие в создании документального фильма «За мир и дружбу» — о Четвертом Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте.

Написал повесть «Зеленый дол» — о колхозных ребятах и об агрономе, приехавшем работать из города в деревню. Повесть печатается в «Пионерской правде». В течение года мною написано около десяти рассказов и очерков.

В будущем году напишу повесть о МТС и рассказы на материале колхозной жизни.

С. АНТОНОВ

◇ ◇

Что сделано мною в этом году? Написан сценарий «Алеша Птицын вырабатывает характер», по которому снят и выпущен на экран фильм. Написана книжка для маленьких «Младший брат», она выйдет в Детгизе с иллюстрациями Н. Жукова. Готовлю к печати книгу «Поэмы для детей». В нее войдут уже известные маленьким читателям произведения «Звенигород», «Петя рисует», «Лето настало», «Я живу в Москве» и другие, а также новая поэма «На празднике». Все ранее печатавшиеся поэмы вновь отредактированы, а некоторые значительно переработаны.

В новом году буду писать сатирическую пьесу для взрослых о воспитании детей, — она рассчитана на постановку в Центральном театре кукол. Работаю над книгой сатирических стихов о наших школьниках. Рисунки к этой книге делает художник В. Горяев.

А. БАРТО

◇ ◇

Закончил книгу «Львовские встречи». В нее вошли очерки о людях западных областей Украины, а также о трех писателях-борцах: Степане Тудоре, Александре Гаврилюке и Ярославе Галане.

Много времени посвятил переводам на русский язык не известных еще широкому читателю произведений Я. Галана и закончил (под руководством Б. Лавренева) сценическую редакцию его пьесы «Любовь на рассвете».

В этом году завершена работа долгих лет, которую мы проводили вместе с львовским писателем М. Рудницким, — книга памфлетов «Под чужими знаменами», направленная против украинских буржуазных националистов.

Последние месяцы совместно с М. Блейманом работал над сценарием приключенческого фильма «Тревожная молодость» по мотивам трилогии «Старая крепость». Фильм будет поставлен Киевской киностудией.

В новом году буду продолжать работу над романом «Дальние острова», посвященным жизни торговых моряков в дни войны и мира.

В. БЕЛЯЕВ

ЛЬВОВ

◇ ◇

Буду работать над вторым томом «Творческого пути Пушкина», завершающим мою монографию о великом поэте. Это я считаю своим главным научным долгом.

Закончу книгу о мастерстве Пушкина и монографию о «Евгении Онегине», которые пишу последние годы.

Буду руководить работой над созданием трехтомного курса по истории русской литературы (от древнейших времен до 1917 года). Это коллективный труд Института мировой литературы с участием Института русской литературы.

Сдал в «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка» статью «Роль русской литературы в формировании русской нации».

Д. БЛАГОЙ

◇ ◇

Вышел из печати новый сборник моих стихотворений «Бороться, гореть, дерзать!», большую часть которого составляют произведения, написанные в 1953 году. Это стихи о борьбе за мир, о Советской Литве, ее преобразуемой природе, о труде литовского народа, о братских республиках — Украине и Грузии. На литовском языке вышла отредактированная мною книга Н. Тихонова «Избранное», в которой немало и моих переводов. В этом году я переводил также стихи М. Исаковского. Недавно издан предпоследний, одиннадцатый, том посмертного собрания сочинений П. Цвирки, над которым я работал в качестве главного редактора издания.

Попробовал я свои силы и в новом для меня жанре: на днях сдана в печать моя первая книга для детей.

Первую половину нового года хочу посвятить окончанию романа, в котором стараюсь отобразить борьбу трудящихся, лучшей части литовской интеллигенции за победу советской власти и ее укрепление в нашей республике. Возможно, что этот роман станет первой частью трилогии, в которой я задумал показать путь своего народа с 1940 года — в дни Великой Отечественной войны и в годы мирного строительства. Буду работать также над переводами произведений своего любимого поэта Пушкина: переработаю свой перевод «Евгения Онегина» и закончу перевод «Бориса Годунова».

А. ВЕНЦЛОВА

ВИЛЬНЮС

◇ ◇

В первом полугодии закончу повесть о советской деревне «Крутые годы», а затем возобновлю работу над романом «Раздел», который будет продолжением романа «Вечерний звон».

Н. ВИРТА

◇ ◇

За истекший год мной написан цикл стихов на темы труда и мира.

Мои планы на будущее: хочется, пока я нахожусь в полной силе, написать мемуары «Мой пройденный путь» и тем как бы подвести итоги пятидесятилетней работы в литературе.

В будущем году издательство «Сабчота мцерали» выпускает однотомник моих лирических стихов, а Госиздат Грузии — «Литературные очерки»; в эту книгу войдут статьи на тему литературных взаимоотношений грузинских и русских писателей: «Переводчики Пушкина», «Лермонтов в грузинской литературе», «Тарас Шевченко и грузинская культура», «Драматург А. Н. Островский в Грузии», «На дне» Горького и «Ревизор» Гоголя на грузинской сцене».

И. ГРИШАШВИЛИ

ТБИЛИСИ

◇ ◇

Чтобы завершить трилогию о революционной борьбе азербайджанского народа за свое освобождение, я продолжал в 1953 году собирать и изучать материалы для третьей книги романа «Утро» (первая часть его в переводе на русский язык была напечатана в четвертой книге альманаха «Дружба народов» за 1953 год). Мне еще придется изучать воспоминания старых рабочих-очевидцев, материалы судебного процесса по делу Фунтикова — участника подлого убийства 26 бакинских комиссаров. Так же, как и в предыдущих двух книгах, центральное место в повествовании займут рядовые рабочие, крестьяне и их руководители — Азизбеков, Шаумян, Фиолетов, Джапаридзе. Масштаб моего романа в третьей книге, которая будет называться «Освобождение», станет шире, ибо главная тема ее — Ахчакуймская трагедия — результат перипетий многочисленных и сложнейших международных событий. Моя творческая цель — показать трагедию в ее оптимистической перспективе.

Мехти ГУСЕЙН

БАКУ

◇ ◇

Старику, которому вот-вот исполнится восемьдесят лет, очень трудно отвечать, когда его спрашивают о творческих планах: планов попрежнему много, а сил не так уж много. И все-таки хочется кое-что сделать.

Буду писать стихи. О чем? Обо всем, что вижу вокруг себя, — жизнь наша богата яркими явлениями. Что касается прозы, буду продолжать работу над автобиографической повестью. Я уже довел ее до девятисотых годов. Впереди еще немало трудов.

И, наконец, буду вести обычную научную работу в Абхазском институте языка, литературы и истории, где я состою в должности старшего научного сотрудника.

Дмитрий ГУЛИА,
народный поэт Абхазии

СУХУМИ

◇ ◇

В этом году я пробовала свои силы в новом для меня жанре: написала комедию. Завершить работу над ней надеюсь в ближайшее время.

Наступающий год будет для меня годом подступа к большой теме, над которой я буду работать несколько лет. Задуманный мною роман о людях творческого труда — ученых и строителях — требует большой подготовительной работы. Хочу и поездить немало и познакомиться со многими интересными людьми и многими увлекательными проблемами.

Вера КЕТЛИНСКАЯ

ЛЕНИНГРАД

РАССКАЗЫВАЮТ ПИСАТЕЛИ...

Планы на новый, 1954 год

Мирное строительство нашей Родины, ее победоносное шествие к коммунизму, героические усилия в борьбе за мир и лучшее будущее для человечества — вот то, о чем прежде всего хочется петь мне, как и каждому советскому поэту. Этим неисчерпаемым темам посвящаю я свои стихи. Им посвящен и цикл произведений, написанных за последнее время.

Но я не вправе забыть и о другом своем долге. Первая половина моей жизни прошла в Иране. На протяжении многих лет борется за хлеб и независимость многострадальный иранский народ, продаваемый своими правителями то одному, то другому заморскому покупателю. Сердце велит мне стихом и песней отозваться на эту борьбу, как я это делал и в прошлые годы.

Много прекрасных сердец, лучших сынов и дочерей Ирана погибло в этой многолетней битве. Правое дело ежедневно рождает все новых героев, перекидывая мост между героическим прошлым и сегодняшними волнующими событиями. Как живые, стоят перед моими глазами образы чудесных людей, не жалевших сил и самой жизни во имя освобождения своей родины и героическим примером воспитывавших и закалявших молодежь для неустанной борьбы. Об этих героях, прославленных и безымянных, пишу я цикл стихотворных воспоминаний — новелл, который намереваюсь включить в поэму под общим названием «Моя повесть».

Стихи упомянутых циклов в подлиннике войдут в сборник, выпускаемый Издательством литературы на иностранных языках, а в русских переводах — в книгу стихов, выходящую в Гослитиздате. Подготовив к печати эти сборники, я надеюсь в наступающем году целиком отдаться работе над новыми произведениями.

А. ЛАХУТИ

◇ ◇

Год 1953 был для меня годом разнообразных творческих поисков. Я пробовал силы в жанрах, новых для себя. В начале года совместно с писателем Ф. Эйнбаумом закончил пьесу «Утро наших лет», в которой мы ставили перед собой задачу показа современных человеческих характеров во всем богатстве и сложности их внутреннего мира.

Только что закончил киносценарий полнометражного художественного фильма «Счастье Андруса» для киностудии «Ленфильм». Сценарий посвящен жизни и труду людей в промышленном сланцевом бассейне Советской Эстонии. Молодой герой сценария Андрус Лаане ищет счастья и в конце концов после ряда приключений, пережив острый жизненный конфликт, находит это счастье рядом с собой. На этой же площадке сланцевого бассейна я возвожу каркас нового романа «Город на трассе». Он в основном разрабатывает тему героя нашего времени — молодого человека.

К работе над романом я приступил. В 1954 году предполагаю его закончить.

Г. ЛЕБЕРЕХТ

ТАЛЛИН

◇ ◇

Заканчиваю работу над своей третьей книгой стихов для издательства «Советский писатель». В нее войдут стихи о борьбе народов за мир, о любви, о Советской Армии и поэма «Огонь».

Кроме того, в моих ближайших планах — переводы стихов украинских классиков и современных поэтов. В частности, очень хочется заново перевести некоторые произведения Т. Шевченко, не получившие, на мой взгляд, настоящего звучания в старых переводах на русский язык.

В замыслах — новая пьеса о нашей молодежи. Надеюсь, она будет написана к осени.

М. МАКСИМОВ

◇ ◇

В минувшем году я работал над переводами произведений В. Маяковского, в частности, его поэмы «Про это». Перевел ряд лирических стихотворений, «Скупого рыцаря» и «Русалку» А. Пушкина, работал также над поэмой «Памятник» — о великом кобзаре Украины Т. Шевченко. Закончил цикл стихов «Книга братьев» — о воссоединении Украины с Россией, о благородной и нерушимой дружбе наших народов.

Литераторов часто спрашивают: что мешает им работать на полную мощность? У каждого есть какие-то личные причины, но в то же время есть, мне кажется, и одна общая: перегрузка лишними, часто никому не нужными совещаниями и полусовещаниями. Проходит месяц, другой, — чернила высохли, чистая бумага пожелтела, рабочий стол глубоко запечалился о своем непоседливом хозяине.

Только за последние два месяца мне пришлось быть на восемнадцати собраниях и на семи заседаниях секций. За два месяца мне выпала радость получить... четырнадцать творческих дней.

Я обращаюсь к наступающему, 1954 году:

— Юный мой товарищ, пятьдесят четвертый год, посади нас за рабочий стол надолго и всерьез.

А. МАЛЫШКО

КИЕВ

◇ ◇

На узбекском языке вышла книга моих стихов и поэм «Соотечественники». Закончил в этом году поэму «Набиев» — об одном из первых узбекских комсомольцев, боровшемся против басмачей и погибшем от рук империалистических наймитов.

Журнал «Шарк юлдузи» публикует новую мою поэму «Родные», посвященную дружбе узбекского и русского народов. Из печати вышла книжка рассказов для детей «Живое письмо».

В новом году буду писать роман о жизни рабочих ферганских МТС, для которого собран интересный материал, а также работать над стихами о дружбе народов.

МИРМУХСИН

ТАШКЕНТ

◇ ◇

Пишу большой роман о колхозе. Закончу его через полтора-два года.

Г. НИКОЛАЕВА

◇ ◇

Постановление сентябрьского Пленума Центрального Комитета партии и все мероприятия, проводимые в связи с этим постановлением, являются самым крупным событием наших дней. Они вызвали движение миллионов колхозников за резкое улучшение своего хозяйства и, стало быть, за подъем всех колхозов до уровня передовых.

Мы, литераторы, не можем пройти мимо столь важного события нашей жизни. Нам положено: изучить и художественными средствами отобразить это движение миллионов.

Я сейчас работаю над второй книгой романа «Волга-матушка река». Вчерне почти закончил его, хочется опубликовать осенью 1954 года. Около трех месяцев пробыл в Нижнем Поволжье, писал вторую книгу, а главным образом изучал состояние колхозов, совхозов и МТС.

Ф. ПАНФЕРОВ

◇ ◇

Закончил пьесу «Чужое счастье». Работаю над книгой стихов.

М. СВЕТЛОВ

◇ ◇

Прежде всего — готовлю второе издание «Дневника писателя», для которого пришлось исправить транскрипцию нескольких географических названий и фактические неточности в разделе прибалтийских советских республик.

По окончании этой работы и после того, как я выполню свои очередные литературные обязательства, целиком, месяцев на десять, отдаюсь в распоряжение Гослитиздата для подготовки своего шеститомного собрания, намеченного к выпуску в 1954—1955 годах. Труд над ним будет немалый, поскольку в собрание включается серия романов «Месс-менд» («Янки в Петрограде», «Лори Лэн, металлист» и «Дорога в Багдад»), требующая радикальной переработки. Собрание охватит мои романы (два тома), очерки (два тома) и филологические работы (два тома).

По окончании этой работы продолжу начатый мною большой труд о Хачатуре Абовяне, основоположнике новой армянской литературы. И, разумеется, в течение всего этого времени, хоть изредка, да буду выполнять и свой постоянный долг газетчика-профессионала.

Мариэтта ШАГИНЯН

◇ ◇

Закончил в этом году роман «В добрый час». Последние месяцы работаю над киносценарием по мотивам этого романа. В кинодраматургии впервые испытываю свои силы. Жанр нелегкий — написал уже несколько вариантов сценария. Работа увлекла меня, и я полон решимости завершить ее успешно.

Собрал материал для романа о жизни сельской интеллигенции. Он и займет главное место в моей творческой работе в наступающем году.

И. ШАМЯКИН

МИНСК

Им есть о чем рассказать...

◇

Гр. КУРЕНЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

◇

1. — Поля! Ты после работы опять в Никольское подашься? — окликают подружки высокую русоволосую девушку со сбившейся на плечи цветной косынкой.

— А что мне там делать? Я свое отходила. Теперь черед никольцев ко мне ходить, — в тон подругам отвечает Поля.

...Рядом со старым, но еще крепким свинарником строится по типовому проекту новое просторное помещение. С Полей Головановой, лучшей свинаркой колхоза имени Калинина, мы сидим на свежеоструганных бревнах.

— Хороший дворец для моих подопечных строят, — мечтательно говорит девушка, проводя ладонью по пахнущему смолой бревну.

И, вспомнив что-то, улыбается.

— Слышали, как девчата давеча надо мной посмеивались, Никольским попрекали? А ничего зазорного тут нет. Ходила, было время, а теперь не хожу. И у Василия Данилыча Касаткина, хоть он в Никольском больше двух десятков лет свинарем работает, и у Анны Соловьевой показатели нынче хуже наших.

Поля Голованова пришла на колхозную свиноферму года два назад. Присматривалась к незнакомой работе. Но уже в те дни мечтала, что станет мастерицей своего дела.

И зачастила Поля в соседнее село Никольское, на свиноферму артели «Путь к коммунизму». Ни шутки подруг, ни насмешки односельчан («жениха в соседях ищешь?») не остановили девушку.

Ходила к соседям, ревниво наблюдала за работой опытных свинарей, не стеснялась спрашивать о том, чего не знала.

И неожиданно для всех (думаю, что только не для самой Поли) к ней в прошлом году пришла слава лучшей свинарки колхоза. От четырнадцати свиноматок Поля получила за год 280 поросят. В этом году за первый опорос от тех же четырнадцати свиноматок Голованова получила 154 поросенка, по одиннадцати на каждую.

— А у подруг ваших какие успехи?

— По-разному, — неопределенно отвечает Голованова, но уже через мгновение оживляется: — Вон у Марьи Лыжиной столько же, что и у меня, свиноматок, а получила она от них всего девяносто девять поросят. И у большинства так же. А ведь условия, корма — все у нас одинаковое.

— Значит, у вас «секрет» какой-то есть?

— Как не быть, — отвечает Поля.

— Вот бы и поделились своим «секретом».

— Я не против, могу и поделиться. Но все равно обогнать себя никому не позволю, — горячо говорит Голованова, и ее горячности веришь: такая первенства не уступит!

— Только как передавать его, этот самый опыт? Кто мне в этом деле должен помочь? — спрашивает девушка.

2. Перед поездкой в колхоз имени Калинина я узнал, что почти во всех артелях Кузнецкого района открыты дома сельскохозяйственной культуры. В райкоме мне не без гордости перечислили, где открыты эти дома, сколько средств отпущено на них колхозами, называли фамилии заведующих и прикрепленных к ним в помощь агрономов.

— Будете в Поселках, посмотрите тамошний Дом сельскохозяйственной культуры, — напутствовали меня. — Калининцам повезло — у них домом заведует агроном Антонина Зайцева.

Весь этот разговор я вспомнил после знакомства с Полей Головановой. Может быть, за ответом на ее вопрос и не надо далеко ходить?

Дом сельскохозяйственной культуры в Поселках весьма условно можно назвать домом. Это — небольшая, приютившаяся за сценой сельского клуба комнатка, в которой царит полное запустение.

Заведующая «Домом» тов. Зайцева рассказывает:

— Зимой агрокурсы занимаются, а на остальное время у нас план из района есть.

В плане — опыты на глубину вспашки, по травосеянию и внесению удобрений.

— Да вы разве этот план еще нигде не видели? — спрашивает Зайцева. — Он ведь у нас единый для всех колхозов района.

К большому государственному делу в Кузнецком районе отнеслись по-казенному, формально. Назначили заведующих домами, согласовали с правлениями артелей цифры отпущенных средств, разослали «единый» план — и на этом успокоились. А по сути дела, в хорошем колхозе хата-лаборатория побогаче и деятельней, чем такая вот комнатка, громко именуемая Домом сельхозкультуры!..

В колхозе имени Калинина, кроме агронома Зайцевой, есть зоотехник, три ветфельдшера. Да если прибавить к ним врачей, учителей, которые тесно связаны с жизнью колхоза, — какой актив сельской интеллигенции, почти сорок человек можно было бы привлечь к работе Дома сельхозкультуры! Они могли бы помочь в организации пропаганды передового опыта. Но никто в Поселках не может вспомнить, чтобы в комнатке, числящейся в районных сводках центром сельскохозяйственной пропаганды, собирались свинарки, доярки, птичницы, чабаны, овощеводы — представители всех специальностей многоотраслевого колхозного хозяйства. А ведь поговорить есть о чем.

В артели имени Калинина немало передовых работников животноводства. От 3 000 до 3 300 литров молока надаивают в год от каждой коровы доярки Прасковья Каюкова, Ефимья Щетинкина, Мария Денисова. А рядом с ними большинство доярок еле-еле надаивают от каждой коровы по тысяче литров в год. А условия одинаковы.

Разве не пришла бы в Дом сельскохозяйственной культуры Поля Голованова и не поделилась своим опытом с Марьей Лыжиной и другими, не рассказала, как она добилась успеха? Разве специалисты животноводства, сельские учителя, интеллигенция Поселков не могли бы помочь Головановой подготовить такой доклад, помочь ей обобщить накопленный опыт?

Могли и могут! Для этого, конечно, нужен не шаблонный план, «спущенный» из района в колхоз, а инициатива в передаче опыта лучших, желание обобщить все передовое, что есть в колхозном производстве. И тогда не будет большую часть года висеть замок на Доме сельхозкультуры в Поселках.

3. Зоотехник колхоза имени Калинина Виталий Васильевич Кузьмин, молодой, энергичный человек, интересуется достижениями науки. В успехах Поли Головановой и других лучших свинарок и доярок артели есть немалая доля его труда.

Спрашиваю Кузьмина, состоит ли он в Обществе по распространению политических и научных знаний?

На лице Виталия Васильевича — одновременно удивление и недоверие: уж не подшучивают ли над ним!

— Да разве такое в нашем районе есть? Оно — Всесоюзное, значит, в Москве, — говорит Кузьмин.

Не знает о существовании в Кузнецком районе отделения общества не только Кузьмин. Так же удивлены были многие специалисты сельского хозяйства.

— В первый раз слышим!

А между тем в Кузнецком районе есть отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Есть в нем даже специальная сельскохозяйственная секция. Секретарь отделения общества тов. Куликов показал список членов и членов-соревнователей. Их — сорок человек.

Но напрасно искать в этом списке фамилии колхозников-новаторов, специалистов, занятых непосредственно в колхозном производстве.

— Почему же их не привлекаете?

— Руки не доходят, — уныло разводит этими «недоходящими» руками председатель отделения общества тов. Иванушкин.

Количество и тематику прочитанных лекций пришлось восстанавливать по корешкам путевок. Секретарь отделения общества не смог показать ни одного отзыва о прочитанных лекциях.

Большинство лекций читается на темы международного положения, а немногочисленные лекции по вопросам сельского хозяйства общи, оторваны от местных условий.

В тексте одной из таких лекций я обратил внимание на характерный пропуск: в этом месте лектору полагалось привести пример из жизни данного колхоза. Можно себе представить, как восполнил лектор такое «белое пятно». Вооружась подшивкой местной газеты или районными сводками, он находит фамилии передовиков артели, где читает лекцию, и вписывает их в заранее оставленный в тексте пробел.

Но кого же порадует, кому поможет такое формальное перечисление? И разве не могли бы выступить с лекциями о своем опыте сами передовики?

Нет ничего удивительного в том, что работа общества непопулярна среди колхозников этого района.

4. Я побывал не только в Кузнецком, но и в Городищенском, Лунинском, Бессоновском районах Пензенской области. И везде, в каждом районе, во многих колхозах, встречал людей, которым, так же как и Поле Головановой, есть что порассказать о своей работе, о своем опыте.

Это — звеньевые из Бессоновского колхоза имени Кирова, мастера высоких урожаев лука комсомолка Катя Генералова и молодая коммунистка Анна Еманина. Это — чабан артели «Прогресс» Городищенского района Михаил Иванович Кочетков, доярка из колхоза имени Мичурина комсомолка Клавдия Столярова. Это — звеньевые колхоза имени Сталина Лунинского района Нина Луконина и Валентина Ухмакова, вырастившие богатый урожай конопли, и многие другие...

Но, как и в Кузнецком районе, опыт замечательных мастеров колхозного производства не нашел должного применения, не стал всеобщим достоянием. А ведь как велика, как ощутима потребность в распространении этого опыта!

Разговариваешь с председателем артели «Гигант» Кузнецкого района Николаем Семеновичем Сорокиным, — в конце беседы он не преминет спросить с явным интересом, но сдержанно, чтобы не уронить собственного достоинства:

— У Головяшкина были? Небось, овощами хвастал?..

Герой Социалистического Труда Иван Маркелович Головяшкин, председатель колхоза «Путь Ленина», показав свое многоотраслевое хозяйство, в котором он действительно собирает такие богатые урожаи овощей, каких другие и на лучших землях не получают, с неприкрытой завистью признается:

— Лук у меня подкачал. И половины против плана не соберу. А бессоновцам, чай, этот лучок по четырнадцать рубликов на трудодень даст!

Да и бессоновцам есть что позаимствовать из практики своих соседей, ближних и дальних...

Со многими из людей, которые названы выше, я встретился вторично в Пензе, на областной сельскохозяйственной выставке: с кем лично, а кого увидел на фотографиях и портретах. В павильонах земледелия, животноводства, механизации были широко представлены результаты их творчества. Именно — творчества!

Конопля в полтора человеческих роста, двухпудовые кормовые тыквы, помидоры почти в полтора килограмма весом, знаменитый бессоновский лук во всех его видах, неосыпающиеся твердые пшеницы с урожайностью в 24—26 центнеров с гектара.

На выставку приехали гости из соседних областей и республик, приехали местные колхозники — «себя показать и людей посмотреть».

В одном из павильонов выставки внимание посетителей привлек пожилой колхозник. На весь павильон раздавался его старческий задиристый голос:

— Конопелька — хороша! Ничего не скажу. И пшаничка, — он так и говорил: «пшаничка», — и она хороша. Я, положим, вижу, чего человек достиг. А ты мне покажи, **как** он этого достиг, ты мне в подробности всю агротехнику объясни. Чай, я за этим и ехал в такую даль...

Дед был прав: выставка показывала, **что** сделано, но совершенно не объясняла, **каким путем** получены те или иные результаты. Самые общие сведения содержались в наспех сделанных плакатах и диаграммах рядом с плодами интересного творческого труда.

И многие посетители выставки, пришедшие, конечно, не из праздного любопытства, а затем, чтобы перенять опыт новаторов, как и открыто возмущавшийся дед, ушли неудовлетворенными.

Далеко не все колхозы области могут похвастать урожайностью зерновых и технических культур, продуктивностью животноводства. В области много отстающих колхозов, но устроители выставки и не подумали о том, чтобы «предоставить слово» этим отстающим, сравнить показатели лучших и худших, наглядно продемонстрировать преимущество одних методов над другими.

Парадность — отличительная черта этой выставки, так и не ставшей школой передового опыта. А передовое должно учить!

***

Простая русская девушка Поля Голованова поняла, как много значит передовой опыт. В основе ее успеха лежит тот опыт, который она по собственной инициативе почерпнула у соседей-никольцев. Сейчас у Головановой накопился немалый свой опыт — им она рада бы поделиться.

— У нас нет никаких «личных секретов», мы охотно поделимся своим опытом, но как нам сделать это практически? Помогите обобщить и передать опыт, — говорят знатные полеводы, животноводы, огородники Пензенской области, большой отряд новаторов колхозного производства.

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Пленум правления Союза советских композиторов

С 19 по 28 декабря в Москве проходил VII пленум правления Союза советских композиторов, посвященный современному песенному творчеству. Пленуму предшествовали творческие отчеты композиторов-песенников — И. Дунаевского, В. Соловьева-Седого, М. Блантера, В. Мурадели, А. Новикова и других. На концертах, которые состоялись во время работы пленума, была широко представлена многообразная песенная культура народов СССР.

Обсуждение вопросов советской песни открылось докладом секретаря Союза советских композиторов В. Захарова — «О состоянии и дальнейших задачах советского песенного творчества».

Подчеркнув огромную роль советской песни в жизни нашего народа и ее международное значение, отметив достижения советского песенного творчества, В. Захаров говорил о том, что многие песни, созданные за последнее время, отличаются серостью, бесцветностью, однообразием, они слабее тех произведений, которые были написаны десятилетия назад и до сих пор живут и поются в народе.

Докладчик указал также на серьезные недостатки в области пропаганды песни.

Слову в песне посвятил свой содоклад поэт Л. Ошанин. Он отметил, что снизился общий уровень песенной поэзии, тексты многих песен лишены живых поэтических образов, способных затронуть человеческое сердце. Ответственность за плохую работу поэтов-песенников несет Союз советских писателей, который не занимался вопросами песни.

Резкой критике Л. Ошанин подверг работу музыкального радиовещания.

В прениях, развернувшихся по докладу и содокладу, приняли участие композиторы Б. Александров, М. Блантер, Д. Васильев-Буглай, И. Дзержинский, А. Кос-Анатольский, А. Новиков, А. Скултэ, поэты С. Васильев, Е. Долматовский, Н. Доризо, С. Михалков, С. Смирнов, исполнители — А. Варга, В. Нечаев, Л. Утесов, музыковеды — С. Аксюк, В. Бухарский, А. Сохор и многие другие.

В конце заседания выступил генеральный секретарь Союза советских композиторов Т. Хренников.

РАСТИТЬ МОЛОДЫЕ СИЛЫ ЛИТЕРАТУРЫ!

Двадцать лет существует Литературный институт имени А. М. Горького, созданный в декабре 1933 года. Среди трехсот выпускников института — известные писатели, критики, переводчики, редакторы, работники газет и журналов. Сегодня мы публикуем выступления ряда писателей — воспитанников Литературного института.

Поднять уровень работы института!

Последние три года моей учебы в Литинституте пришлись на войну. Сейчас, когда это время далеко позади, я думаю с удивлением: ведь почти невероятно, что удалось окончить институт в те трудные годины!

Помню, я был буквально потрясен, получив из института в ноябре 1941 года напоминание о том, что мною еще не представлены контрольная работа по Свифту и новые рассказы. Мне, работавшему тогда на дальневосточных стройках, не хватало сил и времени для выполнения непосредственных производственных обязанностей.

Никогда не забуду, как ругал меня однажды начальник строительства, зашедший ко мне часа в три ночи проверить, как подвигается сочинение какого-то большого приказа по стройке. Увидев, что я отстукиваю на машинке «задолженность по Свифту», он воскликнул: «Кто-то из нас сумасшедший! Скорее всего — вы!»

Спустя год, когда я работал уже в другом районе Дальнего Востока, мне вдруг прислали вызов на экзамены. Тут как раз подоспело задание: ехать в столицу по делам строительства. Я стал просить у начальства дополнительно две недели командировки. Начальство возмутилось:

«Какой сейчас Литинститут, какие экзамены? Вроде серьезный человек, а ведет себя несерьезно...»

А как удивился профессор, которому я сдавал экзамен. «Сколько времени надо ехать сюда из Комсомольска?—все спрашивал он, смеясь: — Неужели вы в самом деле приехали оттуда специально для того, чтобы сдать мне экзамены?»

Есть люди среди литераторов, которые относятся к институту скептически, вроде бы гордятся, что обошлись без него и вообще без высшего образования. Лично я всегда буду помнить, чем обязан институту. Я еще больше полюбил литературу благодаря институту, благодаря людям, которые тогда, в труднейшие военные годы, несли на своих плечах всю тяжесть забот о студентах, разбросанных по боевым и трудовым фронтам.

Естественным и закономерным надо считать и то, что мы далеко не во всем удовлетворены сейчас работой Литературного института. За 20 лет его существования накопился опыт, опираясь на который мы можем поднять уровень этой работы значительно выше, добиться того, чтобы Литинститут имени Горького стал образцовым учебным заведением для подготовки литераторов, способных вести разностороннюю и высококвалифицированную работу во всех областях литературы.

В. АЖАЕВ

На творческих семинарах

«Сделать» человека поэтом нельзя. Но направить поэта, помочь ему найти свою индивидуальность, укрепить его поэтическую технику, дать ему необходимые знания и привить любовь к постоянной учебе и вдумчивому изучению жизни можно и нужно. Это — обязанность кафедры творчества Литературного института.

В институте учатся сейчас молодые литераторы многих национальностей. Семакин — русский поэт, приехавший из Удмуртии, аварская поэтесса и драматург Гаирбекова, армянский поэт Севак, румынский поэт Майореску, якутский поэт Гоголев... Различие языков, на которых пишут студенты Литературного института, не только не мешает работе семинара, но придает ей особый интерес и значение. Студенты раскрывают друг перед другом национальные сокровища и традиции поэзии своих народов, что не может не обогащать их собственное творчество.

Да, нельзя «сделать» поэта, но можно помочь поэтическому дарованию: для этого надо значительно углубить работу творческих семинаров,—а она еще далеко не достигла совершенства; надо проводить занятия на более высоком теоретическом уровне, добиваясь и активности студентов и тщательной подготовки руководителей.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

О НАШЕМ ИНСТИТУТЕ

В августе 1934 года, в Москве, в Колонном зале Дома союзов, происходил Первый съезд советских писателей.

В эти дни несколько сотен молодых людей — москвичей и иногородних — с волнением и нетерпением ожидали, когда окончит свою работу комиссия по приему в Литературный институт имени А. М. Горького, называвшийся тогда Вечерним рабочим литературным университетом. Созданный Алексеем Максимовичем Горьким Институт производил свой второй набор, и мы, надеявшиеся поступить туда, в подавляющем большинстве своем не имевшие ни одного напечатанного стихотворения или рассказа, а только сдавшие в комиссию свои переписанные от руки или (гораздо реже) напечатанные на машинке рукописи,— с завистью и уважением смотрели на уже перешедших на второй курс студентов первого набора, среди которых у нескольких вышли книжечки стихов, а двое или трое были даже приняты кандидатами в Союз писателей.

Из нескольких сот подавших заявления в тот год было принято около ста человек. Далеко не все из нас стали писателями, хотя среди поступавших в Институт в том году сейчас можно назвать два десятка людей, работающих в литературе и выпускающих книги. Но многие писателями не стали: одни, разуверившись в своих литературных способностях, не кончили Института, перешли в другие учебные заведения или поступили на работу; многие, окончив Институт, сделались редакционными работниками.

Мне все это кажется вполне естественным и нисколько не печальным, хотя много раз за истекшие годы приходилось встречаться с противоположными и, на мой взгляд, несправедливыми суждениями.

— Ну, что вы ратуете за ваш Литературный институт? — не раз говорили мне.— Ведь вы не отрицаете, что из каждых 10 человек, окончивших Институт, только два-три становились писателями.

— Не отрицаю. Но что из этого следует?

— Как что? Из этого следует, что Институт не инкубатор, что в нем нельзя выводить писателей.

— Конечно, нельзя,— отвечали мы,— да, ведь, его и не задумывали как инкубатор. Его задумывали как высшее учебное заведение, где могут учиться люди, обнаружившие с юности влечение к литературным занятиям, у которых опытными литераторами были замечены задатки литературных способностей. Этим людям, во-первых, предоставлялась возможность получить литературное образование; во-вторых, на специальных творческих семинарах, в общении с товарищами и с руководителями—писателями и критиками, они могли воспитать вкус, коллективно обсуждая то, что написано ими самими или их товарищами, воспитать критическое чутье, необходимое для овладения литературным мастерством. И мера приобретенного ими в Институте зависела не только от природных способностей, но и от умения и желания прислушиваться к советам и замечаниям редактора, критика, товарища по профессии.

Институт не был задуман как «инкубатор», он был задуман как учебное заведение, из которого всякий добросовестно занимавшийся в нем человек выходил хорошо образованным литературно-редакционным работником, а тот, чьи первоначальные задатки постепенно выросли в способности или даже талант, выходил окрепшим и развившимся.

Мне кажется, что Институт в общем идет по верному пути и достойно выполняет свое назначение.

Я могу назвать известных писателей, учившихся в Институте (часто на это следует возражение: они бы стали писателями и без Института! — Да, быть может, и так. Но спросите их самих — и они ответят, что Институт очень помог им). Можно назвать и опытных литературных работников— редакторов газет и журналов, переводчиков, журналистов, вышедших из стен Института с серьезными знаниями, с горячей любовью к литературе и уже много лет делающих свое полезное дело в разных уголках нашей Родины. Все они добрым словом вспоминают годы своего учения в стенах старого особняка, в котором некогда жил Герцен и где уже двадцать лет висит табличка с надписью: «Литературный институт имени А. М. Горького».

Мне доводилось встречаться и с другими суждениями: из стен Института вышло якобы много неудачников. Так ли это? Да, так, если согласиться с высокомерным взглядом, что всякий, не ставший известным писателем, тем самым должен объявляться неудачником. Но стоит ли соглашаться с подобным взглядом? Разумеется, нет. Разумеется, всякому человеку, чуждому смешного высокомерия, покажется нелепым называть неудачниками людей, успешно занимающихся литературной и редакционной работой; называть только потому, что они, написав в юности первые стихи или рассказы, не стали известными писателями.

Что же касается действительных неудачников, то есть тех, кому стать писателями не хватило дарования, а стать полезными литературными работниками не хватило характера, то таких людей, избравших себе малопочтенную судьбу окололитературных иждивенцев и прихлебателей, людей с потребностями, но без способностей, — я среди питомцев Института могу вспомнить очень немного.

Я разрешил себе заняться этой полемикой потому, что нам стоит подумать не только о прошедших двадцати годах, но и о предстоящем двадцатилетии.

Да, и впредь отнюдь не все поступающие и подающие поначалу те или иные литературные надежды будут становиться писателями. Да, очень и очень многие будут выходить литературными работниками, журналистами. Очень хорошо, если среди оканчивающих Институт будет больше сформировавшихся молодых писателей, чем это было в прошлые годы. Но столь же важно, чтобы он выпускал побольше способных, образованных литературно-редакционных работников с более фундаментальным высшим образованием, чем выходили мы, выпускники первых лет.

Для этого необходимо еще шире, чем до сих пор, привлекать наши лучшие писательские силы и к приемным испытаниям (чтобы не оттолкнуть людей интересных, даровитых, талантливых), и к работе в творческих семинарах (чтобы студенты могли учиться мастерству, воспринимая живой опыт мастеров литературы).

Необходимо и дальнейшее повышение требований к академическим знаниям студентов. Отличные знания в области гуманитарных наук, высокий культурный уровень необходим всем, кто выходит из стен Института, независимо от того, станут они впоследствии писателями или редакционными работниками. Марка Института должна стоять еще выше, чем сейчас, из него должны выходить отлично образованные люди. А если иные думают, что трудно и писать и хорошо учиться, то уж тут — «взялся за гуж, не говори, что не дюж»! Писательский путь — вообще путь нелегкий.

За последние годы все более и более широким потоком приходят в Институт молодые литераторы из наших братских республик. Это и радует и накладывает на Институт большую ответственность.

Заботясь о развитии советской литературы, правительство разрешило Союзу писателей открыть при Институте двухгодичные Высшие литературные курсы, на которых будут заниматься, расширяя свой кругозор, обновляя знания, совершенствуя свое мастерство, члены Союза писателей, имеющие за плечами и жизненный опыт, и годы литературной работы.

Судя по многочисленным письмам, приходящим в Институт, на этих курсах хотят и будут учиться представители большинства литератур народов СССР. Курсы должны стать тем местом, где взаимное творческое общение и творческое соревнование литераторов, пишущих на разных языках, принесут несомненную пользу нашей многонациональной литературе.

Хотя в этой статье было бы приятно обойтись без упреков в чей-либо адрес, но интересы дела все же заставляют сказать: ни старые, ни молодые писатели не могут понять глубоко равнодушного отношения Исполкома Моссовета к Высшим литературным курсам. Уже конец декабря, а Исполком Моссовета до сих пор палец о палец не ударил для того, чтобы обеспечить курсы помещением. Писатели шестнадцати республик, желающие учиться на курсах, вряд ли поблагодарят его за такое неслыханное равнодушие.

Большие задачи стоят перед Литературным институтом. На правлении Союза писателей лежит ответственность за работу этого единственного в своем роде высшего учебного заведения, созданного по мысли Горького и носящего его великое и ко многому обязывающее имя.

Константин СИМОНОВ

Труд писателя

Начинающий поэт, ученик десятого класса из прикубанского хутора Садового, написал мне: «Помогите вырваться из хуторской глуши и поступить в Литературный институт... По своему вдохновению, по взлету крылатой мысли я вижу, что должен подняться над Садовым и крикнуть: прощай, Кубань!..».

Молодой поэт из станицы Марьинской в нынешнем году окончил Литературный институт. «Когда я первый раз вошел в двери института, — говорит он, — мне казалось, что все уже свершилось. Но прошли годы учебы, и наступил день, когда я распрощался с друзьями. Я мог бы остаться в Москве. Но если бы кто знал, как меня потянуло в родные края! И вот я снова дома. Как же хочется с головой окунуться в жизнь, работать и работать».

С грустью читаешь письма некоторых молодых авторов, которые гордятся тем, что пишут «сразу набело», легко, «точно развлекаясь». Труд писателя — не развлечение, а большая, напряженная работа ума и сердца. «Без труда нет добра»,— говорится в народе. Можно сказать и так: без труда нет писателя.

Литературный институт имени Горького уже сослужил и еще сослужит большую службу тем, кто, подобно поэту из станицы Марьинской, свои теоретические познания обогащает жизненной практикой; кто свой поэтический талант с самых же первых шагов приобщает к труду — упорному и настойчивому.

Семен БАБАЕВСКИЙ

ПЯТИГОРСК

К друзьям!

Вспоминается осень, когда мы — поколение тридцатых годов, дети первых пятилеток — съехались в Литературный институт. Одни пришли сюда из шахт создававшегося тогда московского метро, другие—со строительных площадок. Я приехал из Донбасса с чемоданом, набитым, в основном, тетрадками со стихами. Я считал, что все уже превзошел и всего достиг. Какую же я получил встряску в институте от моих учителей и новых товарищей, охладивших мой двадцатилетний пыл! Оказалось, что такими стихами полезнее всего хорошенько протопить печку, — от этого будет реальная польза студенту Литинститута, снимавшему холодную комнатенку где-то в Мытищах, что нужно всерьез садиться за работу.

А потом началась война, и питомец нашего института рядовой Николай Отрада падал в не тающие даже от крови финские снега, и принял геройскую смерть другой выпускник—младший политрук Володя Аврущенко... А другие тряслись в кузовах редакционных грузовиков, исколесили все фронтовые дороги и перепутья. Иные из них погибли, не дописав последней строки своего очерка или песни. Литературный институт, никогда не забывай их!

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Знать свое дело

Моя первая повесть носила автобиографический характер, ее напечатали в альманахе «Вчера и сегодня» — сборнике бывших беспризорников и правонарушителей. Как у всякого начинающего писателя, у меня теперь была мечта: попасть в «толстый» журнал. Я писал рассказ за рассказом, но в редакциях их неизменно отвергали.

Я стал терять уверенность в своих силах, пока не пришел к выводу, что я, собственно... не знаю того дела, которым занимаюсь... На лекциях по теории литературы я впервые понял, что всякую фразу и образ надо уметь «построить», что надо вырабатывать «язык».

Я понял, что раньше писал «вслепую». Перечитав свою первую повесть, я увидел, какое это слабое, беспомощное произведение. Только заканчивая институт, я стал понемногу понимать, что такое литература и что такое творчество.

Что бы я на своем небольшом опыте посоветовал настоящим и будущим студентам Литературного института? Поступать в институт прямо из десятилетки едва ли есть смысл. Лучше притти туда с жизненным «багажом», притти твердо убежденным в том, что в коллективном труде на благо Отчизны твое дело — именно литература.

Виктор АВДЕЕВ

В единой семье

ПИСЬМО РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

Дорогой Расул!

Я узнала, что в декабре отмечается двадцатилетие нашего Литературного института, и вспомнила Москву, наши студенческие годы, друзей и среди них тебя, дорогой товарищ. Так много общего в нашей жизни, в нашей судьбе.

В стенах Литературного института мы впервые встретили друг друга, хотя до этого жили почти рядом — в горах Кавказа. Не отражает ли и наш институт ту большую роль, которую играл великий русский народ в деле сплочения всех народов страны в единую семью? Ведь именно русский язык, ставший для нас таким же родным, как аварский и армянский, сблизил нас.

Я помню моих друзей—русскую Маргариту Агашину, украинца Платона Воронько, грузина Хута Берулава, корейца Се Ман Ира, болгарку Лилиану Стефанову и многих других. Обогатившись знаниями, вместе с живительным дыханием Москвы впитав в себя величественное чувство дружбы и братства, мы разъехались в свои края и страны, чтобы работать на благо родной литературы.

Дорогой Расул, уже больше месяца я нахожусь в селе Норашен. Как тебе — в твоей поэме «Разговор с отцом»,—так и мне хочется стать еще ближе к моему народу, к его повседневным радостям и заботам, к его успехам и трудностям. Задачу свою вижу в том, чтобы в новых своих произведениях не только отразить нашу счастливую жизнь, но и смело обличать то гнилое и порочное, что мешает этой новой жизни.

Ты сейчас в Москве,— так поблагодари наш институт, скажи, что мы приложим все силы для утверждения великих принципов мира и дружбы между народами, утверждения всего нового, высокого и передового.

С дружеским приветом

Сильва КАПУТИКЯН

Село НОРАШЕН,
Армянской ССР

Художники И. Игин и Е. Щеглов в дружеском шарже изобразили группу воспитанников института. Справа налево: Л. Ошанин, К. Симонов, В. Ажаев, М. Алигер, С. Михалков, М. Луконин, П. Воронько, Р. Гамзатов, В. Авдеев, С. Бабаевский, А. Яшин, Е. Долматовский, А. Коптяева, С. Капутикян, Г. Эмин, А. Чаковский.

ФЕЛЬЕТОН

„Монумент"

В кабинете заместителя начальника Запорожского областного управления сельского хозяйства красуется внушительный монумент. Ему бы возвышаться где-нибудь на раздолье, — ну, пусть не на площади, а хотя бы на большом жактовском дворе!— лаская глаза прохожих совершенством своих форм. А он, бедняга, скромно устроился за письменным столом, из-за которого не видно даже постамента, т. е. кресла.

Не из благородного мрамора, не из вечной бронзы сделан управленческий монумент. Произведение это является, так сказать, автопортретом. И сделан он, если можно так выразиться, из самого себя. Да, да. Материалом для монумента Александра Наумовича Садка прекрасно служит сам Александр Наумович Садок. Но в данном случае это все-таки не Александр Наумович, а только его монумент.

Происходит прием посетителей. В такие минуты заместитель начальника Запорожского областного управления сельского хозяйства превращается в статую. Солидность, солидность и еще раз солидность! Всегда подвижной, разговорчивый, озабоченный, Александр Наумович в часы приема посетителей как будто каменеет. В эти минуты кажется, что вместо мускулов у него — гранит, в жилах — холодная бронза, взгляд, устремленный в безграничную даль, не выражает ничего — ни мыслей, ни чувств.

Знай, мол, наших!

Как и положено каждому порядочному монументу, товарищ Садок молчит. Когда же приходится все-таки кое-что сказать, каменный хозяин кабинета говорит кратко, отрывисто. Вот и сейчас, просмотрев в третий раз анкету, что лежит на столе, и снова прочитав первую строчку — «Горлатенко Иван Иванович»,— монумент изрек:

— Фамилия?

— Горлатенко.

Монумент снова долго смотрит в анкету и повторяет:

— Горлатенко?

— Горлатенко.

— Имя, отчество?

— Иван Иванович.

Но поскольку все это давно уже известно из анкеты, разговор и даже само присутствие посетителя гнетуще действуют на монумент. Необходимо, как он привык выражаться, закругляться. И монумент спрашивает:

— На что вы претендуете?

— Я не понимаю вас,— встревоженно говорит посетитель.— Прочитав постановление сентябрьского Пленума...

— Все читали постановление,— перебивает посетителя каменный хозяин кабинета.— Закругляйтесь. На что вы претендуете?

Но посетитель явно не хочет «закругляться». Он взволнован. За эти дни не один раз и не два обдумал он всю свою жизнь. Институт... Диплом инженера-механика. 22 года работы на заводах сельскохозяйственного машиностроения... Сейчас должность старшего инженера отдела главного механика завода «Днепроспецсталь». Работа — интересная, увлекательная... Жена — медицинский работник. Вместе они получают ежемесячно без малого три тысячи. Живут в большом городе, в приличной квартире. Кажется, какие основания у человека сниматься с насиженного места?..

Вот здесь-то и хотел сказать Иван Иванович Горлатенко о тех мыслях и чувствах, которые вызвало в нем историческое постановление партии. Семьей он не обременен. Советская власть, спасибо ей, уже вывела детей на светлый путь самостоятельной жизни: сын — слушатель военной академии, дочь заканчивает аспирантуру, преподает в институте. Что же мешает тебе, бывалый, опытный инженер, делом ответить на призыв партии? Еще и еще раз обдумал Иван Иванович все «за» и «против», трезво взвесил свои силы и возможности и написал заявление в партийный комитет с просьбой направить его на работу в МТС.

Но монумент про все это и слушать не хочет. Он снова повторяет свой вопрос:

— На что вы претендуете?..

Наконец, Иван Иванович догадался, чего от него хотят. И он ответил:

— Я ни на что не претендую. Обком партии рекомендует меня на работу главного инженера МТС.

И тут впервые, несмотря на солидную практику, монумент забыл, что он — монумент. Его брови удивленно поползли вверх.

— Вы с этой работой не справитесь. На эту работу я вас направить не могу.

Теперь настала очередь удивляться посетителю. Неужели двадцать два года работы на заводах сельскохозяйственного машиностроения ничего не значат?

Оказывается — ничего.

— Одно дело делать машины и совсем другое—ремонтировать их,— снова перевоплощается в статую хозяин кабинета.— И вообще, у меня сейчас нет времени. Зайдите завтра, вам дадут ответ.

Разговор, продолжавшийся 5—8 минут, закончился.

На другой день ответ на самом деле был дан. Инженеру И. И. Горлатенко вернули его документы. «У нас нет вакансий,— сказали ему.— К тому же вы человек пожилой, вам за пятьдесят, лучше оставайтесь на старом месте».

Так, одним росчерком равнодушного пера списали здорового, полного сил и энергии человека в инвалиды. И никто даже не подумал о том, какую обиду нанесли человеку, исполненному патриотического стремления вложить и свою частицу труда в великое всенародное дело.

А все потому, что монумент желает остаться монументом. Он не хочет обременять себя хлопотами, думать, волноваться. И зачем это, на самом деле, беспокоят его эти инженеры со своими заявлениями? Инженеры... Сам Александр Наумович далеко не инженер, хотя и руководит всеми МТС области. Он в свое время бросил институт, не закончив и первого курса. Когда Александр Наумович вспоминает об этом сейчас, в груди у него начинаются неприятные колики. Инженеры... На что они претендуют? Говорят, что желают как будто ехать на село... Удивительно! Александру Наумовичу, например, такое и в голову не придет.

Запорожское областное управление сельского хозяйства обязано было подобрать к 1 декабря для работы на селе почти 300 инженеров, механиков и техников. К концу ноября было послано на работу только 143 человека.

А люди идут и идут в управление. И на что они претендуют? Кое-кто спрашивает:

— Я хочу поехать в энскую МТС. Но у меня, понимаете, дети учатся в старших классах. Есть ли там средняя школа?

Человеку отвечают:

— Спросите об этом в областном отделе народного образования... (Мы, дескать, не справочное бюро).

Многие МТС области не обеспечены квалифицированными кадрами. На руководящих постах немало людей, не имеющих специального образования. Среди руководящих работников МТС большая текучесть. В результате, неудовлетворительно используется мощная техника, в работе машинно-тракторных станций много серьезных недостатков.

— Но, — размышляет монумент,— работа все-таки идет, контора все-таки пишет... К чему же все эти перемены? Кого-то необходимо назначать, кого-то передвигать, кого-то учить... Хлопот не оберешься.

Разумеется, начальник областного управления сельского хозяйства тов. Шульга ничего такого никому никогда не говорил. Он, вполне возможно, и думает иначе.

Почему же он мирится с тем, что во вверенном ему учреждении порой командует каменный монумент? Ведь только после вмешательства обкома партии, потеряв попусту целый месяц, тов. Горлатенко, наконец, получил назначение на работу в МТС. А какому числу людей еще придется здесь ломать сопротивление холодных монументов?

Ол. РАДА

Газета «Радянська Україна».
Перевод с украинского.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ЯЗЫК ТВОЙ — ВРАГ МОЙ!»

Напечатанный под этим названием в № 141 «Литературной газеты» фельетон был обсужден руководством Союза советских писателей, дирекцией Всесоюзного управления по охране авторских прав, отделом распространения и представителем Главискусства Министерства культуры СССР. Как сообщили в редакцию из ВУОАП, а также из отдела распространения, фельетон правильно сигнализирует о необходимости обратить серьезное внимание на содержание «Информационных списков». Для того, чтобы улучшить качество аннотаций, к составлению их в 1954 году, начиная с № 1 «Информационного списка», будут привлечены специалисты-театроведы.

«КАК МЫ ЧИТАЛИ КНИЖКУ»

Под таким заголовком 21 ноября в «Литературной газете» было напечатано письмо читателя В. Хоменко (Киев). В письме говорилось о том, что в детской книжке Э. Межелайтиса «Марите в пионерском лагере» рисунки не соответствуют тексту.

Собрание редакторов Государственного издательства художественной литературы Литовской ССР признало критику правильной. Художественному редактору книги Э. Юренасу сделано предупреждение.

«ВОДА И ВОЗДУХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧИСТЫМИ!»

Несколько писем читателей под таким общим заголовком было опубликовано в № 77 «Литературной газеты».

Начальник Главного санитарно-противоэпидемического управления Министерства здравоохранения СССР тов. В. Жданов сообщил в редакцию, что факты, приведенные в письмах, подтвердились. Новороссийский горисполком принял специальное решение, в котором обязал промышленные предприятия провести ряд мер по защите бухты от загрязнения. Главная государственная санитарная инспекция предложила Министерству металлургической промышленности СССР обязать Ново-Тагильский завод закончить в первом полугодии 1954 года установку золоуловителей, а завод имени Куйбышева — обеспечить с 1 января полное использование доменного газа. В 1954 году будут проведены также специальные работы по очистке воздуха и на Сталинградском тракторном заводе.

«О НАШЕЙ ГАЗЕТЕ»

23 июля «Литературная газета» опубликовала статью Т. Тильвитиса «О нашей газете». Автор подверг критическому разбору номера газеты «Литература ир Мянас», вышедшие в первой половине 1953 года.

Правление ССП Литовской ССР признало критику правильной и наметило меры для улучшения работы редакции «Литература ир Мянас».

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ ПОЭЗИИ

ИНЕРЦИЯ РИФМОВАННЫХ СТРОК

А. ЛЕЙТЕС

1. В 1929 году, в июле, Владимир Маяковский написал и тут же принес в журнал «Огонек» свои «Стихи о советском паспорте», ставшие общепризнанным классическим образцом советской патриотической лирики.

Редакция журнала приняла стихотворение, но не спешила его напечатать.

Наступил 1930 год, прошло еще три месяца, а стихотворение попрежнему не печаталось. Только после смерти Маяковского оно было опубликовано в «Огоньке», пролежав в редакции девять месяцев.

«Огонек» в ту пору охотно печатал Маяковского. За это время редакция журнала опубликовала пять стихотворений Маяковского, принесенных им позже: «Голосуем за непрерывку», «Мы», отрывок из «Бани», «Стиховые лозунги и лозунговые стихи», «Марш двадцати пяти тысяч».

Сейчас нам совершенно ясно, что «Стихи о советском паспорте» принадлежат к числу лучших — актуальнейших — произведений великого революционного поэта. «Стихи о советском паспорте» были столь же своевременными и в 1929 году, сколь они своевременны в 1953-м.

Но глаз тогдашних редакционных работников и рецензентов «Огонька» только скользнул по поверхности этого поистине замечательного произведения...

Мы вспомнили об этом давнем эпизоде нашей литературной жизни не случайно. Скольжение по поверхности является тем недостатком, который, к сожалению, по сию пору не изжит некоторыми критиками и редакционными работниками: они нередко судят о произведении или по внешним признакам его актуальности, в их узком понимании этого слова, или по столь же внешним показателям его художественности.

Нет ничего легче, как «пропустить», опубликовать стихотворения, иной раз кажущиеся совсем неплохими. Нет ничего проще, как написать о них одобрительную рецензию. Все на месте в таком стихотворении. Но места в читательском сердце оно не находит. Оно не запоминается, и желания перечитать его мы не испытываем.

Есть огромная разница между теми стихами, о которых читатель снисходительно говорит: «неплохо», и теми стихами, о которых хочется воскликнуть: «хорошо!»

В чем же проявляется эта разница? Если глубже проанализировать любое из стихотворений, вызывающих лишь снисходительное отношение читателя, можно убедиться: внешней динамике стиха здесь не соответствует динамика внутренняя. Строки движутся стремительно, плавно, легко, но мысль, но чувство не движутся. Важный и нужный поэтический замысел лежит на поверхности стихотворения. Он не раскрывается и не углубляется сильным движением чувства и мысли, а, напротив, только обволакивается рифмованными и ритмическими строками — иной раз блестящими. Между тем подлинно художественное произведение отличается не только внешним блеском. Оно светится изнутри, потому что в нем каждая строка, деталь, эпитет усиливают, углубляют, эмоционально насыщают поэтический замысел.

Обсуждая вопросы поэтического мастерства, мы мало и недостаточно конкретно говорим о **движении мысли и чувства в стихе**, то есть о том, что является важнейшим признаком его художественности. Для оценки достоинств лирического стиха этот вопрос имеет не меньшее значение, чем вопрос о конфликте для драматургии!

В лирическом стихотворении раскрывается преимущественно один только характер во всем разнообразии его отношений к действительности. Он обычно именуется лирическим героем. Что же касается других характеров, то они выступают **опосредствованно**—через восприятие лирического героя. Непосредственного столкновения характеров — в драматургическом понимании этого слова — здесь нет. Но зато подлинный лирик правдиво, смело, остро раскрывает переживания своего героя и тем самым имеет возможность, не менее реалистично, чем драматург, отразить типические жизненные конфликты, запечатлев душевный облик тех, кто эти конфликты преодолевает.

Осуществляется это в стихотворении средствами почти микроскопическими — иной раз с помощью одного-двух эпитетов, чуть заметно подчеркнутой ритмической интонации или мельчайшего поворота лирического сюжета. В таком стихотворении каждая строка, каждое слово, даже пауза приобретают исключительную весомость.

Вспомним пушкинское «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»:

Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...

Здесь в одной строке сталкиваются грусть и настроение легкости, печаль и ощущение чего-то светлого. Но сталкиваются они только для того, чтобы поразительно тонким переходом подчеркнуть главное: силу, ясность, полноту того чувства, каким охвачен поэт.

Это — та тонкость, которая свойственна большому мастеру и цельному характеру. Она ничего общего не имеет с утонченной расслабленностью декадентской поэзии, где каждая деталь сама размагничена и нас старается размагнитить.

Именно эта тонкость силы свойственна и поэтическому мастерству Маяковского. В этом смысле он необычайно близок Пушкину. Чем сильнее то чувство, какое выражал поэт, тем тоньше он разрабатывал и тем настойчивее отстаивал каждую художественную деталь, каждый поворот лирического сюжета, связанный с выражением этого чувства.

В «Стихах о советском паспорте» имеются строки, которые если не «раздражали», то во всяком случае смущали тогдашних редакционных работников «Огонька». Они потому и задержали на девять месяцев опубликование этого замечательного стихотворения, что надеялись уговорить поэта вычеркнуть первые строки, на их взгляд чересчур острые и резкие («Я волком бы выгрыз бюрократизм»), и прямо начать с последующих строк («По длинному фронту купе и кают чиновник учтивый движется»). Если бы Маяковский с этим согласился, они бы стихотворение немедля напечатали.

Но Маяковский, разумеется, с этим решительно не соглашался. Он твердо, безоговорочно отстаивал первые строки стихотворения. Ведь в них заключался острый по форме (и очень тонко выраженный по существу) переход от страстных, гневных слов по адресу бюрократических бумажек к тем, преисполненным глубокой нежности и величайшей патриотической гордости словам, которые поэт произносит в конце «Стихов о советском паспорте».

Представим себе, что Маяковский отказался бы от этого контрастного (дважды повторяющегося) приема, где «слова бичи» только подчеркивают и оттеняют «нежность слов». Представим себе, что он с прямолинейной непосредственностью открыл бы стихотворение строкой «По длинному фронту купе и кают...» Внешне сюжет стихотворения полностью бы сохранился. Но движение чувств и мыслей поэта не задевало бы нас с той силой, с какой оно задевает сейчас, лирический сюжет был бы в значительнейшей степени обеднен и стихотворение потеряло бы свою выразительность, свой действенный, впечатляющий характер.

Все мы сейчас хорошо понимаем, насколько неправы были те, кто оценивал эти первые строки «Стихов о советском паспорте» вне зависимости от основного вопроса: ослабляют ли они, усиливают ли они прекрасный поэтический замысел, пронизывающий все стихотворение?

Оценивать ту или иную стихотворную строку, как некую деталь «в себе», независимую и от основных мыслей и чувств поэта и от того направления, в котором эти мысли и чувства движутся,—это значит поверхностно, формально подходить к анализу художественной формы стиха.

При таком подходе можно **переоценить** мертворожденные, пустые стихи, написанные с внешним блеском, и в то же время **недооценить** содержательные, сильные стихи, где каждая строка проникнута живой мыслью и живым чувством. При таком подходе и сами поэты — подчас очень талантливые — от времени до времени публикуют на страницах журналов длинные ленты рифмованных слов, где со строками яркими и нужными соседствуют строки вялые, приблизительные, случайные, приглушающие поэтический замысел и вконец расхолаживающие читателя.

2. В больших помещениях с плохой акустикой слова ораторов как будто поглощаются стенами, рассеиваются и еле доходят до аудитории. В той части физики, которая занимается изучением звука, есть особый раздел, именуемый архитектурной акустикой. Этот раздел физики помогает строителям современных аудиторий обеспечить ясную слышимость каждого слова во всех точках, где может находиться слушатель.

Существует, однако, нечто более важное для оратора, нежели архитектурная акустика. Назовем это душевной акустикой. Каждый оратор знает: если его речь задевает мысли и чувства слушателей, если в зале постепенно нарастает внутреннее доверие к нему и интерес к тому, о чем он говорит, то возникает та атмосфера напряженного внимания, в которой каждое слово воспринимается ясно и отчетливо. Достаточно же оратору произнести несколько фальшивых или пустых фраз, лишенных мысли, как внимание резко ослабевает и никакая хорошо налаженная физическая акустика помочь не может.

В том и заключается подлинное поэтическое мастерство, что оно непрерывно сохраняет вокруг произведения эту атмосферу большой ясности — идейной, нравственной, эстетической. Оно не допускает ничего такого, что способно повредить основному поэтическому замыслу. Хорошо видится, отчетливо слышится, легко дышится в такой атмосфере. У читателя возникает «расположение души к живому принятию впечатлений», то есть вдохновенное внимание к каждой детали. Любая мелочь в произведении начинает казаться существенной, внутренне обязательной. Именно такое впечатление производит ряд стихов Твардовского, особенно его поэма «За далью — даль».

Гоголь писал о пушкинских стихах:

«Здесь нет этого каскада красноречия, увлекающего только многословием, в котором каждая фраза потому только сильна, что соединяется с другими и оглушает падением всей массы, но если отделить ее, она становится слабою и бессильною».

Чрезвычайно опасно для поэта поддаться соблазну внешнего красноречия, когда, с одной стороны, строка не несет в себе ясной мысли, а с другой стороны, общий стремительный напор ритмических фраз, словно оглушив читателя, создает для него видимость какого-то движения мыслей и чувств.

В процессе писания больших стихотворных «полотен» у поэта нередко вырабатывается своего рода инерция рифмующей руки. Легко, чуть ли не автоматически дописываются строки, не очень нужные с точки зрения поэтического замысла. Труднее дописать десять строк к коротенькому стихотворению, нежели с разбега вписать в пространную поэму или в большой цикл стихов сотню строк. Такого рода лишние строки отнюдь не безвредны! Они кропотливо подтачивают все произведение, разрушают то вдохновенное настроение, которое поначалу создается при чтении хороших стихов.

К тому же такого рода лишние, случайные, приблизительные строки весьма коварны: они сразу же обнаруживают, если глубже в них вчитаться, насколько поверхностно разработал поэт определенную сторону своей лирической темы.

Евгений Долматовский опубликовал в прошлом году поэму «В суровый час». В ней встречаются сильные места, посвященные Ашхабадскому землетрясению 1948 года. Ясно видишь, что поэт добросовестно изучил материал. Но в поэме дана не только общая картина землетрясения, — в ней фигурируют люди. И вот люди-то изображены методом внешнего красноречия.

Поэт знакомит нас с главным героем поэмы, сейсмологом Скворцовым:

Теперь стоял он под системой звездной,
Знаток планеты. И любовью поздней
Дышал, как воздухом.
И образ женский
Витал над ним.

Здесь каждая строка выдает поверхностное отношение автора к своему образу.

Можно стоять под звездным небом. Но под звездной системой никто (а «знаток планеты» в особенности!) стоять не может по той простой причине, что наша, как и любая, планета находится в звездной системе, а не где-то вне ее. Если поэт уже решил употребить в поэме астрономический термин «звездная система», то он должен был бы задуматься над тем, что для астрономии такие понятия, как «верх» и «низ» являются бессмысленными. Но в том-то и дело, что автор не вжился в образ своего героя-ученого. Он только скользнул по поверхности образа, решив отделаться внешним красноречием. И когда тот же сейсмолог, узнав, что его возлюбленная Джамал стала жертвой землетрясения, восклицает: «А что с Джамал? Какие муки принес ей космос?», — то это опять-таки звучит фальшиво. В устах сейсмолога, прекрасно знающего конкретные причины землетрясения, такая неопределенная апелляция к космосу особенно неестественна. Такого рода мелочи отнюдь не располагают к глубокому восприятию образа поэмы.

Подобное скольжение по поверхности можно встретить и в последних стихах Маргариты Алигер. Многое привлекает наше внимание в ее стихотворном цикле «Ленинские горы». Привлекает чистый лирический голос, искренность чувств, та большая эмоциональность, с какой талантливая поэтесса воспевает строительство университетского здания: оно символизирует для нее духовный рост советских людей, будущее нашего народа.

Всякий раз, завидев это зданье,
Издали приветствуя его,
Я к нему спешу, как на свиданье
С будущим народа моего,

— взволнованно говорит Алигер.

В цикле «Ленинские горы» имеется ряд превосходных стихов, заражающих читателя тем же эмоциональным пафосом, каким охвачен автор. Это — «Начало», «Юбилей», «Архитектор», «Говорят...», «Липа», «Ломоносов», «Утро». Но Маргарита Алигер включила в цикл не семь, а шестнадцать стихотворений общим размером более полутора тысяч строк. Среди них немало таких, которые оглушают нас падением всей своей массы, но, будучи рассмотрены в отдельности, «становятся слабыми и бессильными».

В стихотворении «Герой рассказа» автор обращается к зданию университета:

Да, ты живой для души моей,
Вставший навеки над гулом века,
Построенный людьми, для людей,
По мысли великого человека.

Что значит «встать навеки над гулом века»? Какая мысль или какой оттенок мысли заключены в этом небрежно написанном, странном, неуклюжем придаточном предложении? Совершенно ясно, что только инерцией рифмующей руки могла быть порождена подобного рода строка. Ведь всеми своими стихами, входящими в цикл, автор убедительно говорит нам, что новое здание университета тем и прекрасно, что воплощает в себе дух нашего века. Неужели поэтесса стала бы сознательно вставлять строку, столь противоречащую ее собственному поэтическому замыслу?

Такого рода лишние строки (а их, к сожалению, не мало) не только удлиняют стихотворение, но и объясняют нам, в чем основной недочет некоторых произведений Алигер: образы, метафоры, сравнения движутся в них сами по себе, а основная мысль автора существует сама по себе, лежит на поверхности стихов, не связанная с этими образами и сравнениями.

Это станет еще яснее, если вчитаться в другое программное стихотворение цикла — «Фундамент». Правильная мысль о том, что люди являются основой основ строительства, выражена здесь с помощью сравнения, крайне неудачного со всех точек зрения. Алигер проводит аналогию между людьми и... железобетонным фундаментом здания:

И незаметно, в потоке буден,
Крепче железобетона и стали
Люди, люди, новые люди —
Фундамент строительства — вырастали.

Только инерция чисто механического литературного приема могла продиктовать автору и странное заглавие и это, не менее странное, сравнение. Ведь фундамент здания, будучи заложенным, не может расти, а советские люди растут от строительства к строительству, создавая все материальные и культурные ценности, необходимые для удовлетворения своих, тоже растущих потребностей.

Мы нисколько не сомневаемся, что Маргарита Алигер способна разъяснить подробно, живо, конкретно эти ясные, простые истины, воплощенные в жизнь нашей партией, нашим народом. Но, к сожалению, в этом стихотворении Алигер эти истины присутствуют только в качестве внешнего привеска.

Там, где Алигер непосредственно выражает свои переживания и настроения, она не скользит по поверхности своих чувств и передает их достаточно впечатляюще. Но, к сожалению, у нее далеко не всегда встречаешь то органическое единство чувства и мысли, которое придает стиху силу.

Отсутствием этого единства объясняется та непомерная растянутость и риторичность, которые характерны для некоторых стихов Алигер. Автор словно гонится — из строки в строку — за ускользающей мыслью и, никак не поймав ее, удлиняет свои стихи, насыщает их перечислениями, повторами, эмоциональными восклицаниями.

Некоторым кажется, что риторичность в стихах проистекает от избытка мысли. Поразительное заблуждение! Риторичность и растянутость возникают как раз там, где поэт не сумел глубоко прочувствовать правильную мысль.

Стихотворение или поэма, где в любой детали присутствует живая или, как выражался Маяковский, чувствуемая мысль, никогда не бывают растянутыми. Здесь движение строк регулируется движением чувства и мысли. Страстная, движущаяся вперед мысль поэта как бы убирает со своего пути мешающие ей лишние строки. И она концентрирует вокруг себя самые нужные оттенки слов, наиболее впечатляющие образы и сравнения.

Вспомним, что такая исключительно богатая содержанием поэма, как пушкинский «Медный всадник», отличается предельной сжатостью — в ней всего 465 строк. Вспомним слова Маяковского, приступавшего к работе над поэмой «Владимир Ильич Ленин»: «Я боюсь этих строчек тысячи, как мальчишкой боишься фальши». Величайшие мастера русской поэзии — Пушкин и Маяковский — отстаивали каждое слово, каждую строку, необходимую для более глубокого воплощения их поэтического замысла. И они же с беспощадной строгостью уничтожали каждую лишнюю и вялую фразу, способную ослабить звучание мысли. Именно такое отношение к стиху является непременнейшим условием его дальнейшего плодотворного развития.

В Казахской ССР состоялся республиканский смотр сельской художественной самодеятельности, в котором приняло участие более 20 тысяч колхозников, учащихся и представителей сельской интеллигенции. На снимке: колхозница Рабига Султанова исполняет казахский танец на заключительном концерте в Алма-Ате. Фото С. Кропивницкого

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В САРАТОВЕ

СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

На состоявшемся недавно областном совещании молодых писателей обсуждалось много новых произведений. Интерес вызвали повесть офицера запаса Ю. Семенова «Прощайте, скалистые горы», пьеса секретаря Ртищевского райкома партии Н. Кирюхина «Глубокая вспашка», стихи техника нефтебазы Ю. Савельева и другие.

Такое совещание проводилось впервые. Тем досаднее его недочеты. Так, некоторые участники совещания не были знакомы с рукописями, намеченными для обсуждения, и им пришлось поневоле отмалчиваться на семинарах. Не были приглашены на совещание студенты и преподаватели филологического факультета Саратовского университета и факультета языка и литературы пединститута, а также работники театра, хотя на семинаре обсуждалось несколько пьес.

«ОГОНЬКИ»

Так называется литературно-художественный сборник для детей среднего и старшего возраста, издающийся отделением ССП (редактор Г. Боровиков). Вышел в свет второй номер сборника. В книге представлены произведения поэтов и прозаиков, статьи и заметки педагогов, научных работников, учащихся старших классов.

«УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ»

Сдан в печать новый том «Ученых записок» Саратовского университета, подготовленный научными работниками филологического факультета. Отдельные работы тома посвящены: проблеме положительного героя в поэме А. Твардовского «Василий Теркин», основам песенного творчества М. Исаковского, анализу романов А. Чапыгина «Разин Степан» и С. Злобина «Степан Разин», традициям народного творчества в «Повести о детстве» Ф. Гладкова, стилю К. Федина, неизвестной интермедии К. Тренева к пьесе «Любовь Яровая», А. Фадееву как очеркисту, творческой истории романа «Жатва» Г. Николаевой. Кроме того, в «Ученых записках» публикуются работы, посвященные некоторым вопросам зарубежной литературы.

САРАТОВ. **(Наш корр.)**

К вопросу о скромности

Ленинградский поэт А. Решетов написал поэму «Первая весна» и опубликовал ее в девятом номере журнала «Звезда» за прошлый год. Эта поэма издается в Лениздате вместе с другими стихами А. Решетова о деревне. Но автору стало казаться, что только два издания для одной поэмы — это мало. Он предложил Ленинградскому отделению издательства «Советский писатель» выпустить поэму массовым тиражом.

Есть такое изречение: пусть не автор говорит о своей книге, а книга сама говорит за автора. А. Решетов, очевидно, не был уверен в том, что его поэма говорит о нем достаточно выразительно, и он решил сам сказать о ней.

«В настоящее время всенародного внимания к социалистическому сельскому хозяйству, — пишет А. Решетов в заявке на новое издание поэмы А. Решетова, — эта поэма о героических днях великого перелома в жизни деревни явится для новых поколений нужным, вдохновляющим произведением».

Что всенародное внимание приковано к социалистическому сельскому хозяйству,— это верно. Но вот насчет того, что поэма А. Решетова «Первая весна» явится для новых поколений нужным, вдохновляющим произведением,— тут дело несколько сложнее. Мы понимаем нетерпеливость автора, но все же стоило бы немножко подождать: пусть уж новые поколения сами скажут о том, какое произведение им нравится.

Писательница и общественный деятель

Литературная общественность отмечает шестидесятилетие Анны Александровны Караваевой. Жизненный и трудовой путь писательницы тесно и неразрывно связан с развитием советской литературы. В те времена, когда зарождалась и выдвигала свои молодые кадры наша литература, призванная помочь трудовому народу переделать жизнь, впервые прозвучало имя Анны Караваевой.

Вспоминаются строки одной из ее первых повестей: «Девушка пришла с утра, вытерла ноги о половичок в сенцах, поклонилась кратко, по-городски:

— Здравствуйте».

Так вместе с пришедшей из города в глушь деревни Липой из «Двора» вошел в наши души свежий голос молодой писательницы. Уже в этом раннем своем произведении, после только что отгремевшей гражданской войны, Караваева разглядела в деревне новую силу, пробужденную советской властью. Взяв тему — столкновение двух крестьянских дворов, много раз и в различных вариантах художественно исследованную в литературе, советская писательница по-новому осмысляет ее. Большим знанием жизни и чувством нового нужно было обладать, чтобы еще до коллективизации увидеть и создать тип будущей колхозницы.

Уроженка одной из уральских твердынь — города Молотова, внучка пролетария-металлурга, дочь книголюба, выбившегося «в люди», Караваева наследовала у отца любовь и уважение к печатному слову. Получив образование в гимназии и на Бестужевских курсах, демократически настроенная молодая девушка идет в деревню. Она видит свой долг в том, чтобы помочь советской власти в решении одной из важнейших тогда задач — ликвидации неграмотности. Караваева работает учительницей сначала в Вятской губернии, а затем на Алтае.

Там, на Алтае, разыскав архивы о первых русских поселенцах Сибири, Караваева создает роман «Золотой клюв». В журнале «Сибирские огни» она печатает ряд других произведений. Это как бы проба сил незаурядного таланта. Повестью «Двор» Караваева завоевывает широкую всесоюзную популярность.

В конце двадцатых годов Анна Караваева публикует свой большой роман «Лесозавод». Тема города, идущего на помощь деревне, которая только намечалась в повести «Двор», в «Лесозаводе» уже получила многообразное симфоническое развитие. Коммунисты, инженеры, передовые пролетарии пришли восстанавливать завод и работать на нем, привлекая себе на помощь деревенскую бедноту, молодежь. И глухая, темная, лесная деревня, пропитанная суевериями, извечной, раздуваемой кулаками подозрительностью к городским, постепенно преображается. Таланты деревни, доселе ограниченные рамками единоличного двора, на заводе быстро расправляют крылья. Вчерашние мелкие собственники вырастают в передовиков социалистического труда.

Эта тема отчетливо прозвучала еще в «Лесозаводе» А. Караваевой. Но заслуга писательницы была не только в том, что она выдвинула новую тему, нашла ей новое сюжетное воплощение (это могли сделать и сделали бы и другие, так как тему и сюжеты эти властно выдвигала жизнь!), а в том, что она не писала сухую хронику событий, а создала сильные, художественно убедительные образы. Показывая грандиозные картины всенародного восстановительного труда, автор раскрывает те идеалы, те мечты, которые двигали советскими людьми. В «Лесозаводе», как и в «Цементе» Ф. Гладкова, с большой силой был выражен пафос народа, вдохновленного партией коммунистов на дерзкую задачу— выбиться из «житьишка в житье», как говорит Андрей Беркутов, один из замечательных народных характеров, вылепленных Анной Караваевой. И пусть в нем, в этом Беркутове, еще ощутимы следы старой мужичьей заскорузлости, но коммунист Огнев выдвигает его в сельсовет с характеристикой: «работать он любит, умеет работать. Несговорчив, говорите?.. Бывает. Но это оттого, что Беркутов для общества не работал, государством не управлял». И Андрей почувствовал, как что-то в нем надломилось и что-то пробилось вперед. Он и не знал, как это назвать. Но читатель уже хорошо понимает, что в душе у Беркутова пробудилось новое понимание жизни.

В «Лесозаводе» окончательно выкристаллизовалась одна из любимых тем Анны Караваевой — тема роста женщины в бурно развивающемся советском обществе.

Анна Караваева известна не только как писательница, но и как общественница, ведущая большую организационную литературную деятельность. Она — кладоискатель новых тем и книг, воспитатель молодых талантов.

Многим литераторам, ныне широко известным, она оказывала большую помощь в так называемой «областной комиссии» Союза писателей и П. Бажову, и К. Седых — автору «Даурии», и многим другим. Караваева, борясь за новое, свежее в литературе, берет под свою защиту писателя Антона Макаренко, когда вслед за педологами, орудовавшими тогда в педагогике, литературные «педологи» — космополиты пытались сбить писателя с ног.

Но самой большой личной и общественной заслугой, которая никогда не должна быть забыта, является работа А. Караваевой в журнале «Молодая гвардия», ответственным редактором которого она была. Там была впервые напечатана книга неизвестного молодого человека, прикованного тяжелым недугом к постели, книга, теперь всемирно известная, воплотившая лучшие стороны характера советского человека,— роман Н. Островского «Как закалялась сталь»! Не следует забывать, что рукопись этого романа была не только сначала потеряна почтой, но и отклонялась иными рецензентами. Поэтому с особым волнением читаешь теперь письма Н. Островского с ласковыми, сыновне-товарищескими обращениями к Анне Караваевой, так тепло, так внимательно отнесшейся к автору.

В годы войны А. Караваева публикует ряд статей, а также книгу очерков «Сталинские мастера», в которой рассказано о трудовой доблести Урала. Об этом же повествуется и в «Огнях» — одной из частей трилогии «Родина», удостоенной Сталинской премии. Здесь тема влияния нового, передового повернута по-своему: вместе с промышленностью юга на седой север прибывают молодые кадры. Они перестраивают и омолаживают старый промышленный Урал.

Немало книг создано маститой писательницей-труженицей за ее долгую литературную жизнь.

Несколько поколений советских людей прошло перед ее глазами: курсистки и комиссары; учительницы и пролетарки двадцатых годов в красных косынках; стахановки тридцатых годов и герои фронта и тыла времен Отечественной войны; матери, борющиеся против угрозы новой мировой войны, участники советских и международных конгрессов мира! Не это ли будущие герои будущих книг Анны Караваевой — не только романов и повестей, но и интереснейших воспоминаний.

П. ВЕРШИГОРА

* * *

Литературная общественность Москвы отметила шестидесятилетие со дня рождения писательницы Анны Александровны Караваевой.

Вечер в Центральном доме литераторов открыл Л. Никулин. Сообщение о творчестве А. Караваевой и ее общественной деятельности сделал Ю. Либединский.

На вечере были оглашены приветствия от президиума правления ССП СССР, редакций центральных газет, журналов, от издательств. В адрес юбиляра поступили многочисленные приветственные телеграммы.

Новые оперы

В секции московских драматургов состоялось прослушивание и обсуждение либретто оперы «Мать» по одноименному роману А. М. Горького. Автор либретто драматург А. Файко ознакомил писателей с сюжетным планом и подробным содержанием либретто. Композитор Т. Хренников исполнил первую картину оперы.

В ближайшее время в секции московских драматургов будут обсуждены либретто еще некоторых опер: о строителях Комсомольска-на-Амуре (автор С. Северцев), «Таня» (авторы — А. Арбузов и Н. Доризо), «Красная Марта» — о борьбе эстонских патриотов в тылу у гитлеровских захватчиков (автор Я. Галицкий) и сатирической оперетты «Анна Петровна» по рассказам А. Чехова (авторы — А. Арго и Н. Мерцальский).

В начале 1954 года намечается прослушать и обсудить совместно с творческими работниками Большого театра СССР либретто оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже» (новая редакция либретто С. Городецкого).

В московской секции детских писателей

Состоялось отчетно-выборное собрание московской секции детских писателей. С докладом об итогах литературного года выступил председатель секции А. Мусатов. Он отметил, что за последнее время детские писатели все более охотно обращаются к современности, пишут о труде, о школе, о жизни нашей страны. Вместе с тем в детской литературе много и серьезных недостатков. В 1953 году выпущено очень мало новых произведений. Литературный уровень некоторых из выпущенных книг также не радует: в них много сухого дидактизма. Не создан образ героя, который воздействовал бы на читателя так, как Тимур или Павлик Морозов. Писатели нередко избегали показывать трудности, сглаживали острые углы. Почти нет книг, посвященных колхозной деревне. Тема же эта должна звучать в полный голос. Попрежнему отстают сатира и юмор.

В заключение А. Мусатов остановился на затяжном отставании критики детской литературы.

Ю. Яковлев рассказал о работе секции детских писателей, но обошел молчанием ее недостатки, на что справедливо обратила внимание О. Высотская.

А. Барто посвятила свое выступление состоянию поэзии для детей. По ее мнению, в детской периодике мало стихов, в своем большинстве они бесцветны, бледны.

С резкой критикой работы секции выступил И. Дик.

— Мы по-настоящему, честно не критикуем друг друга,— сказал он.—А говорить есть о чем. Такие книги, как повесть А. Мусатова «Дом на горе», роман М. Прилежаевой «Над Волгой», повесть И. Ликстанова «Первое имя», поднимают животрепещущие и злободневные темы современности, но написаны так, что оставляют читателя равнодушным.

— Мы не вооружаем наших детей для борьбы против отрицательных явлений и подчас лакируем жизнь, — сказал в своем выступлении А. Дорохов. — Мы мало критикуем друг друга: на заседаниях часто говорятся приятные автору вещи, а серьезные замечания высказываются в коридорах.

К А. Дорохову присоединился Арк. Васильев, говоривший о том, что детские писатели обязаны в своих книгах выступать против пошлости, мещанства.

Редактор Детгиза Б. Грибанов признал правильной критику в адрес издательства. Часто над работниками Детгиза властвует мнение чиновников от педагогики. В Детгизе все еще идут схоластические споры: какой процент отрицательного допустим в детской книге? Сколько процентов взрослых героев можно в ней оставить? и т. д. Б. Грибанов высказал неудовлетворенность докладом А. Мусатова, который подошел к оценке детской литературы без достаточной требовательности.

А. Казанцев подчеркнул невнимание секции к приключенческому жанру. Л. Кассиль посвятил свое выступление вопросу об умении говорить с юным читателем увлекательно и искренне, от всего сердца.

В заключение выступил Н. Грибачев, который обратил внимание собравшихся на серьезные пробелы в детской литературе — узость тематики, отсутствие интереса к труду колхозника, неумение опоэтизировать его. Задача детских писателей — глубоко осмыслить решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС и живо, убедительно, без лакировки донести до читателя сегодняшнюю жизнь нашей страны и особенно деревни. Н. Грибачев считает неправильной изоляцию детских писателей в особой секции: по его мнению, более целесообразно, чтобы они работали в секциях прозы, поэзии, драматургии. Далее он критикует попытку А. Мусатова оправдать бесконфликтность многих книг тем, что они написаны два-три года назад.

На собрании было избрано новое бюро секции, в которое вошли: А. Алексин, О. Высотская, И. Дик, А. Кардашова, Л. Кассиль, А. Мусатов, М. Прилежаева, Н. Томан и Ю. Яковлев.

К 6-й ГОДОВЩИНЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Шесть лет тому назад, 30 декабря, в освобожденной Советской Армией Румынии произошло важное историческое событие. В этот день люди труда провозгласили Румынскую Народную Республику.

После освобождения Румыния постепенно ломала старый государственный аппарат и заменяла его демократическим аппаратом. Народ принял новую Конституцию, всесторонне обсудив ее проект на своих собраниях, передал всю полноту власти Великому Национальному собранию, создал новые местные органы государственной власти — народные советы. Состоявшиеся недавно очередные выборы депутатов народных советов показали рост политического сознания румынского трудового народа.

Выборы прошли, как большой и радостный праздник. Фотообъектив корреспондента румынского агентства «Аджерпрес» запечатлел праздничное настроение избирателей, пришедших на избирательный участок № 3 бухарестского избирательного округа имени Тудора Владимиреску (фото — вверху).

Румынская Народная Республика быстро превращается из отсталой аграрной в передовую промышленную страну с высокомеханизированным сельским хозяйством.

Республика, пишет известный румынский писатель и общественный деятель Михаил Садовяну, открыла трудящемуся человеку «доступ в жизнь, которая, возвышая, превращает его в нового человека, в борца за прогресс и укрепление государства, в человека, строящего социализм на основе марксистско-ленинского учения».

Близится к концу ликвидация неграмотности среди 3.500.000 румынских тружеников, духовно ограбленных старыми режимами. Народная власть ввела обязательное начальное обучение для детей школьного возраста. За последнее пятилетие создано более 2.470 новых начальных школ, а число семилетних школ увеличилось в шесть раз по сравнению с 1938 годом. Непрестанно растет и высшая школа. Уже не 23 тысячи студентов, как это было в 1938 году, а свыше 55 тысяч человек ныне посещают различные вузы страны. В школы пришли дети трудящихся. Учебные заведения Румынской Народной Республики гостеприимно принимают и детей тружеников других дружественных народов. Публикуемый нами снимок показывает румынских и корейских учеников недавно открытой в Бухаресте средней технической школы.

Вместе с ростом новой интеллигенции все быстрее развивается народное хозяйство страны. Успехи этого развития позволяют народной власти во все большей мере удовлетворять возрастающие материальные и культурные потребности народа. За годы пятилетки в строй введено около 1,5 млн. квадратных метров новых удобных жилищ для трудящихся, создано 12 тысяч сельских домов культуры, 1732 клуба и 5 тыс. библиотек...

Непрерывно увеличивается сеть магазинов. Особенное оживление царит в магазинах страны сейчас — в канун знаменательной годовщины и наступающего Нового года. Это оживление отражает и публикуемый фотоснимок: в магазине «Мёбль».

Румынский народ радостно встречает шестую годовщину своей республики, он самоотверженно борется за дальнейший подъем своей материальной и культурной жизни.

ФАКТЫ ОБВИНЯЮТ ВРАГОВ МИРА В КОРЕЕ

Американские военные власти, как известно, пытаются сорвать разъяснительную работу среди нерепатриируемых непосредственно военнопленных в Корее.

Напомним вкратце историю этих попыток.

В соответствии с условиями соглашения о компетенции нейтральной комиссии по репатриации, для разъяснительной работы среди военнопленных было отведено 90 дней. 25 сентября нейтральная комиссия взяла военнопленных под свою опеку. С этого дня и должна была начаться разъяснительная работа в лагерях демилитаризированной зоны, находящейся под охраной индийских войск.

Однако, действуя по указке определенных кругов США, заинтересованных в насильственной задержке и передаче лисынмановским и чанкайшистским бандам десятков тысяч корейских и китайских военнопленных и подрыве условий перемирия, американская сторона в Корее приложила все силы и способы, чтобы воспрепятствовать разъяснительной работе в лагерях.

Началось с того, что американская сторона сорвала срок открытия разъяснительной работы, якобы «не успев» подготовить помещения для бесед с военнопленными. Разъяснительная работа началась лишь 15 октября.

Она началась в условиях, когда лагери военнопленных были наводнены специальными американскими агентами. Последние чинили там террор и убийства. Эти факты хорошо известны и нейтральной комиссии по репатриации, которая была вынуждена предать суду 19 агентов американской стороны, виновных в убийстве корейских и китайских военнопленных. Из-за подрывной деятельности таких агентов разъяснительная деятельность прерывалась на длительное время пять раз.

В полночь 23 декабря истек ранее намеченный 90-дневный срок разъяснительной работы.

Американские представители тут же потребовали прекратить эту работу и начали принимать меры к насильственному задержанию корейских и китайских военнопленных, находящихся в лагере Тонжанни под контролем нейтральной комиссии.

Между тем из-за чинимых американской стороной проволочек корейско-китайская сторона в течение истекших 90 дней имела возможность проводить разъяснительную работу всего лишь 10 дней. За это время менее одной седьмой общего числа корейских и китайских военнопленных смогли присутствовать на разъяснительных беседах. Неопрошенными остались 20 тысяч военнопленных.

И нет ничего справедливей и законней, чем требование корейско-китайской стороны продолжить разъяснительную работу среди военнопленных, компенсировать потерянное время из первоначально намеченных 90 дней.

Польский и чехословацкий члены нейтральной комиссии по репатриации энергично выступили против решения, принятого большинством этой комиссии, — лишить корейско-китайскую сторону права на продолжение разъяснительной работы. Они подчеркнули, что это решение является очень серьезным нарушением соглашения о компетенции комиссии и соглашения о перемирии в Корее. На необходимости продолжения периода разъяснительной работы настаивает и представитель Индии, председатель комиссии генерал Тимайя.

Это требование поддерживают все честные люди мира.

Поспешность, с которой американские военные власти пытаются расправиться с корейскими и китайскими военнопленными, понятна всякому. Новая попытка насильственного задержания их, как и односторонний срыв американской стороной переговоров в Паньмыньчжоне о политической конференции, — это звенья одной цепи. Это — стремление помешать мирному разрешению корейского вопроса и вновь раздуть пламя войны.

Миролюбивое человечество не допустит этого.

Ниже мы публикуем фотодокумент агентства Синьхуа и сообщение специального корреспондента «Литературной газеты» в Корее, которые проливают свет на отдельные из тех методов, с помощью которых враги мира в Корее срывают репатриацию военнопленных.

Подробности ареста убийц из сектора № 38

Как уже сообщалось в печати, индийские войска произвели расследование убийства четырех корейских и китайских военнопленных в лагере Тонжанни, сектор № 38, и арестовали виновников. Подробности этих событий таковы.

В ночь на 13 декабря одному из военнопленных корейцев удалось, обманув бдительность лисынмано-американских агентов, проникнуть за колючую проволоку, ограждающую сектор, и заявить индийскому солдату, стоявшему на посту, о своем желании немедленно вернуться на родину, то есть в Корейскую Народно-Демократическую Республику. В соответствии с правилами он был передан комиссии нейтральных стран для передачи корейским властям.

Тридцатью минутами позже индийская охрана обнаружила четыре трупа корейских военнопленных, выброшенных из сектора за колючую проволоку. Не могло быть сомнения в том, что произошло убийство, в особенности, если принять во внимание обычай лисынмановских агентов мстить подобным образом не только тому, кто захотел вернуться на родину, но и его товарищам, своевременно не предупредившим агентов.

По приказу штаба индийских войск был немедленно сформирован вооруженный отряд. На случай возможной провокации американо-лисынмановских агентов были приведены в боевую готовность пожарные шланги и слезоточивые бомбы.

Из опасения провокации со стороны агентов из соседних секторов все военнопленные этих секторов были предупреждены о необходимости оставаться на своих местах и не выходить из палаток.

Затем всем военнопленным сектора № 38 был передан через мощные громкоговорители приказ построиться группами по 25 человек и следовать в направлении, указанном охраной.

Следом был передан другой приказ о том, что каждый, кто имеет какие-либо сведения об убийцах, обязан выйти из рядов.

После того как первая группа из 25 человек прошла в указанном направлении, один из военнопленных обратился к представителю индийских войск и сказал, что готов дать показания. Вскоре из рядов вышли еще несколько человек и заявили о готовности опознать убийц и стать свидетелями на суде.

После этого в помещение вошла следственная комиссия. Затем военнопленные прошли мимо свидетелей. Свидетели опознали лисынмано-американских агентов, виновных в убийстве. Таким образом, было арестовано 19 человек, причастность которых к убийству подтверждена 21 свидетелем.

Присутствовавший на следствии генерал Тимайя обратился к военнопленным и сказал, что решительно осуждает свершившееся преступление, виновники которого понесут заслуженное наказание по всей строгости закона.

В скором времени здесь ожидают суда над убийцами.

Александр ЧАКОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
ПАНЬМЫНЬЧЖОНЬ

ИЗ ТРОФЕЕВ ИНДИЙСКОЙ ОХРАНЫ

В руки индийских войск, несущих охранную службу в лагерях корейских и китайских военнопленных, попало секретное письмо. Оно было изъято охраной у лазутчика Ли Хьюн Су, засланного «штабом 12-го отряда», как именуется американо-лисынмановская шпионская организация в Сеуле, с заданием проникнуть в сектор № 40 демилитаризованной зоны. В письме содержится инструкция главным американо-лисынмановским агентам в этом секторе Хан Юн Сону и Тё Ки Цою всемерно срывать разъяснительную работу среди военнопленных.

На снимке: **факсимиле 1-й и 4-й страниц указанного письма.**

Фото агентства Синьхуа

КОМПЛИМЕНТЫ—БОННУ, ОСКОРБЛЕНИЯ—ПАРИЖУ

Как печать американских монополий пытается унизить Францию

Недавно американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» объявил Францию «европейским больным человеком».

Что это значит?

В середине прошлого века в европейской печати появилась насмешливая кличка — «больной человек». Так называли тогда султанскую Турцию. В газетах и журналах помещались многочисленные карикатуры, изображавшие немощного калеку в турецкой чалме.

Правда, положение отсталой, феодальной Турции, действительно, было плачевно. Но, объявляя ее «больным человеком», европейские державы преследовали далеко идущие, враждебные Турции цели. Спекулируя на дряхлости некогда «блестящей» Порты, они стремились поживиться за счет ее владений, грубо вмешивались во внутренние дела турецкого государства. С «больным человеком» можно было не церемониться!

Этот небольшой экскурс в историю помогает правильно оценить нынешнюю выходку американского журнала: Франции нанесено оскорбление.

Лживость развязного заявления «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» очевидна. Его редакторы не могут не знать, что Франция наших дней — не Турция прошлого века. После второй мировой войны здоровые силы французской нации, преодолевая многие трудности, стремились добиться усиления роли Франции, как одной из наиболее крупных промышленных и морских держав. В европейских делах и в мировой политике Франции теперь принадлежит веское слово.

Но господам из редакции названного журнала нет дела до фактов. Они чернят великий французский народ и его государство, не гнушаясь самой примитивной клеветы.

Будем, однако, справедливы. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» не одинок в попытках унизить Францию. Достаточно перелистать комплекты крупнейших газет и журналов США, чтобы убедиться: поношение Французской республики стало в них ныне чем-то вроде признака «хорошего тона». Нетрудно догадаться, откуда идет этот тон. Так прежде всего разговаривают с Францией государственный департамент США и его глава Даллес.

Множество газет и журналов в США, не стесняясь в выражениях, методически и ожесточенно ведут против Франции пропагандистскую кампанию. Сейчас эта антифранцузская кампания в разгаре. В ходе ее нетрудно обнаружить, что именно приводит в исступление американских пропагандистов.

Патриотическое сопротивление французов американским планам возрождения германского милитаризма, настойчивая борьба французского народа против попыток лишить Францию ее законного места великой державы и запрячь в ярмо «европейской армии» — вот истинная причина антифранцузских выступлений в печати США. Иногда это выражено с циничной прямотой, иногда завуалированно.

За примерами ходить недалеко. В еженедельном приложении к «Нью-Йорк таймс» была помещена серия статей парижского корреспондента газеты Гарольда Каллендера. Он писал: «Франция больше не является той великой державой, которой она была в XVIII веке или даже до первой мировой войны». Французы, указывал он далее, до сих пор «не перестроились в соответствии с требованиями современной истории и еще не нашли свое место в новой Европе и в изменившемся мире».

С тех пор прошло около года. Много воды утекло, но тон Каллендера не изменился. «В настоящее время Франция не является больше великой державой первого ранга»,— упорно твердит он и теперь в статье, помещенной в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» 1 ноября.

Уже цитированный «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» прочно стоит на тех же позициях. «Значение Франции, как мировой державы, ставится под серьезное сомнение..,— пишет журнал.— Задают вопрос, в состоянии ли Франция брать на себя обязательства крупной мировой державы...».

Покончив, таким образом, с Францией, как с великой державой, призванной играть важную роль в Европе и в международных делах вообще, журнал не довольствуется этим. Летя на крыльях клеветы, он договаривается до того, что Франция, дескать, «катастрофически близка к хаосу», находится «в состоянии пассивной анархии».

Из подобных утверждений тотчас же извлекаются нужные «выводы». По мнению газеты «Вашингтон пост», пришла пора диктовать французскому правительству, что ему надо делать, в частности, по вопросам... вооружения страны. Франция, раздраженно поучает «Вашингтон пост», должна сосредоточить свои усилия на производстве материалов, «имеющих действительно первостепенное военное значение, вместо того, чтобы заниматься строительством ненужного ей флота, который, повидимому, сохраняется лишь из соображений национального престижа».

Нью-йоркская «Дейли ньюс» идет еще дальше: «Если Франция нуждается в деньгах, почему она не продаст Соединенным Штатам острова Гваделупу и Мартинику? Почему мы должны без конца давать, давать и давать? Франция ничего не делает, чтобы помочь себе и Соединенным Штатам. Давать деньги даром — плохой прецедент».

Демократические убеждения французского народа, его республиканские учреждения, его национальные чувства — все это для заокеанских газет и журналов предмет постоянных издевательств.

Вот типичный образчик. Журнал «Фримэн» писал в июле этого года о французском Национальном собрании: «Нынешний парламент не может дать ничего, кроме правительства, чувствующего себя не хозяином, а сторожем в доме. Роспуск ныне существующего парламента тоже ничего не даст. При существующей избирательной системе новое Национальное собрание оказалось бы столь же не поддающимся контролю, как и предшествующее. Только реформа конституции и изменение избирательной системы смогли бы внести порядок в существующий хаос».

В таком тоне «Фримэн», пожалуй, не отважился бы писать о сенате самого захудалого из американских штатов!

Усердствуя в оскорблениях по адресу Франции и ее народа, американская печать — также вполне сознательно — поет хвалу Западной Германии. Боннские реваншисты у нее в самой большой чести. Почти всюду, где речь идет о Франции, ее мнимым «порокам» назойливо противопоставляются западногерманские «добродетели».

Для этой цели американский журналист Дан Кук решил даже привлечь в качестве «беспристрастных» свидетелей самих же американских оккупантов. В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» он рассказывает о подслушанных им якобы «то ли в Шатору, то ли в Орлеане, то ли где-то еще во Франции» разговорах американских солдат. Вот отрывок из его писаний:

«Французы, — говорят Джи-Ай (кличка американских солдат.—**Ред.**),—работают не так много и упорно, как немцы. Французское пиво — дрянь. Французы не умеют строить дома так быстро и хорошо, как немцы. Паровое отопление и водопровод во Франции не далеко ушли от средневековых. Французы презирают нас... Во Франции полно коммунистов... Французы нечистоплотны. Во Франции всюду грязь».

А вот что мы читаем в одном из номеров «Нью-Йорк таймс мэгэзин»:

«Экономика Западной Германии сегодня сильнее, чем экономика Франции. Западногерманская валюта устойчива, а французская нет. Экспорт Западной Германии вырос, тогда как у французов торговый баланс неблагоприятен».

Ту же ноту тянет «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»: «Франция сейчас делается слабей, а Западная Германия сильней. Представляется, что Германия в настоящее время является более сильным союзником для США, чем Франция. США смотрят на германскую армию, как на главную силу».

В другом номере, угрожая Франции, тот же журнал пишет: «Западная Германия выдвигается вперед, как потенциально более сильный союзник США. Может создаться новая Большая Тройка: США, Англия, Германия, а Франция останется в стороне и сможет только поглядывать».

В том же духе некий Джилберт Смит писал в «Нью-Йорк таймс»:

«Снова и снова мы читаем о том, что Франция боится возрождающейся Германии. Это показывает, что Париж не понимает главного, а именно: будет европейская армия создана или нет, Германия неизбежно станет опять могущественной державой... Неужели из-за своей боязни французы отвергнут единственный остающийся Франции шанс выжить рядом с возрождающейся Германией?».

Итак, для Франции «Нью-Йорк таймс» не видит лучшего выхода, чем проглотить горькую «пилюлю» перевооружения Западной Германии. В награду за это ей обещается «шанс выжить», то есть скатиться до положения сателлита боннских реваншистов.

Число подобных «дружеских» пожеланий Франции, пересыпанных угрозами, на страницах американской печати все множится. Они вполне отвечают замыслам определенных заокеанских кругов сколотить обезличенную «Малую Европу» во главе с реваншистской Западной Германией, тесно связанной в своих агрессивных планах с США.

Но на пути к этой цели стоит народ Франции — великий, борющийся, неустрашимый. Его стойкое сопротивление путает карты заокеанских дипломатов, претендующих с помощью «политики силы» и методов диктата на «мировое руководство». И антифранцузская кампания американской печати отражает этот несомненный факт.

Чем встревожено население Пакистана

13 ноября американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовал большую статью «Настоящий союзник в Южной Азии?» Вопросительный знак в заголовке статьи отнюдь не помешал журналу высказаться с предельной ясностью.

Статья посвящена тем агрессивным планам, которые определенные круги США связывают с заключением военного союза с Пакистаном.

Начало этой статьи набрано крупным шрифтом. В крикливой манере, свойственной американской рекламе, журнал пишет:

«Обнаружен: крепкий и готовый потенциальный союзник США... Он имеет 80 миллионов населения. Расположен у самых дверей в Советскую Россию. Армия в 300 тысяч человек — рослые, шестифутовые солдаты...».

Читая эту статью, невольно думаешь, что пером ее автора водил Пентагон. Журнал деловито оценивает стратегические позиции и военный потенциал Пакистана. Он подчеркивает обилие живой силы, наличие аэродромов, годных для базирования дальних бомбардировщиков, сравнительную близость Урала и промышленных районов Сибири.

Статью дополняют карта и фотоснимки. Их назначение — подтвердить основные выводы автора. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» цинично рекламирует обе части Пакистана, лежащие на флангах Индии, как выгодные военные плацдармы, демонстрирует физические качества «шестифутовых» пакистанских солдат (отличное «пушечное мясо»!).

Короче — журнал ведет себя так, словно участь Пакистана уже решена. «Что ждет Пакистан впереди,— говорится в статье,— в большой мере зависит от политики США». «Пакистанцы,— спешит уверить журнал,— очень хотели бы получать около 250 миллионов долларов в год на покупку вооружения...»

Так же преподносит читателям «пакистанский вопрос» и остальная пресса американских монополий. Послушать ее,— так может показаться, что у пакистанского народа нет большего желания, чем видеть свою страну военным плацдармом США.

В действительности дело обстоит как раз наоборот.

Известно, что 17 декабря премьер-министр Пакистана Мохаммед Али, выступая на пресс-конференции в Карачи, признал факт неофициальных переговоров о поставке американского оружия. Вместе с тем он утверждал, что вопрос о предоставлении военных баз и военном союзе не ставился и не обсуждался.

Это заявление премьер-министра, рассчитанное, как видно, на то, чтобы успокоить встревоженное общественное мнение, не достигло цели. Так, комментируя его, пакистанская газета «Имроз» писала, что Мохаммед Али не смог дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на вопрос о том, чем Пакистан должен заплатить за эту «помощь» и как далеко идут требования американцев.

Вести, приходящие из Пакистана, свидетельствуют, что пакистанский народ охвачен глубокой тревогой. В стране растет широкое народное движение, направленное против военного союза с США.

Общественность Пакистана не обманывается насчет американских планов и их пагубных последствий для страны.

«За небольшое количество долларов и, возможно, за несколько винтовок, — говорилось в передовой статье газеты «Пакистан таймс», — от Пакистана требуют пожертвовать свободой действий и заставить его солдат воевать под чужим флагом во имя целей иностранных держав».

«Пакистанская общественность, — писала эта же газета в связи с пребыванием в Карачи вице-президента США Никсона,— глубоко обеспокоена последствиями превращения страны в военную базу для американских агрессоров, что, несомненно, приведет к потере Пакистаном своей свободы и независимости».

С критикой позиции правительства в этом волнующем весь пакистанский народ вопросе выступают представители различных социальных групп и политических взглядов.

На пресс-конференции в Карачи, говоря от имени земледельческого населения, председатель крестьянского комитета провинции Синд Кази Фаиз Мохаммед дал резкую оценку проискам агрессивных кругов США. Он сказал, что, вступая с ними в военный союз, Пакистан «надевает цепи рабства на свою шею». Опасность этого военного союза подчеркнул и депутат законодательного собрания Западного Пенджаба Саед Амир Хуссейн-хан. Как сообщает газета «Доон», 15 декабря он выступил в законодательном собрании против заключения такого союза, назвав его национальным самоубийством. Дело идет к тому, сказал депутат, что Пакистан «будет вынужден сражаться за интересы Соединенных Штатов».

По сообщению корреспондента «Хиндустан стандард» из Карачи, генеральный секретарь социалистической партии Пакистана Мохаммед Юсуф заявил: «Каждый честный пакистанец с полным основанием думает, что политическую независимость страны променяли на американское вооружение. Этот шаг пакистанского правительства полностью противоречит желаниям широкой общественности...». Указывая на то, что Пакистану не по пути с агрессивными силами, ибо он «не претендует на руководство миром», Мохаммед Юсуф спрашивает, обращаясь к правительству Пакистана: «Тогда зачем же было продавать нашу независимость Америке?»

С резкой отповедью пособникам авантюристического сговора с США выступил и лидер партии «Азад Пакистан» Миан Ифтихаруддин. «Любой союз с империалистическими странами нанесет огромный ущерб интересам Пакистана»,—сказал он.

Эти слова были произнесены на массовом митинге, состоявшемся в городе Дакка (Восточный Пакистан). Митинг был созван в знак протеста против попыток приковать страну к военной колеснице США. Этот митинг вылился в демонстрацию единства людей различных политических взглядов. Основой такого единства стала общая тревога за будущность родины, совместная борьба против осуществления военных планов США в Пакистане.

Люди доброй воли противопоставляют ухищрениям реакционеров внутри страны и лживой заокеанской пропаганде требования, отвечающие национальным интересам Пакистана. «Мы призываем правительство,— говорится, например, в совместном заявлении представителей различных партий и общественных организаций Карачи, — ясно заявить, что оно не будет соучастником никаких военных союзов, не даст никаких обязательств в этом отношении, будет проводить политику нейтралитета...».

Это требование находит горячих сторонников среди всех слоев населения Пакистана. Оно пользуется поддержкой широких кругов общественности. «Пакистанское студенчество,— говорится в резолюции, принятой на совместном заседании комитетов студенческих организаций,— желает заявить правительству, что прямое или косвенное участие Пакистана в военных союзах с любой страной наносит вред интересам прогресса и процветания страны». Резолюция призывает правительство проводить политику нейтралитета.

Газета «Пакистан таймс» писала на днях: «Мы искренне надеемся, что правительство Пакистана пересмотрит свое решение об американской помощи, поскольку любая сделка подобного рода наверняка ограничит наш суверенитет, изменит в худшую сторону внешнеполитический курс правительства, создаст опасность для нашей страны и вовлечет народ в страшную войну, приготовления к которой ведутся Соединенными Штатами во всем мире».

В пользу независимого курса Пакистана высказываются многие видные общественные деятели, его отстаивают различные органы печати. За него все, кому дорога национальная независимость страны.

М. ДМИТРИЕВ

Кончина польского поэта Юлиана Тувима

Как сообщает Польское агентство печати, 27 декабря в Закопане в возрасте 59 лет скончался выдающийся польский поэт Юлиан Тувим.

От имени советских писателей в адрес Союза польских писателей в связи с кончиной Юлиана Тувима была направлена следующая телеграмма:

«Глубоко скорбим по поводу смерти выдающегося польского поэта Юлиана Тувима. Мы знали Тувима не только как одного из крупнейших поэтов Польши, внесшего огромный вклад в сокровищницу польской и мировой поэзии, но и как большого друга советского народа и нашей литературы, блестящего переводчика Пушкина и Маяковского.

Своим вдохновенным творческим трудом Тувим многое сделал для того, чтобы произведения русской классической и советской поэзии стали достоянием польских читателей.

Тувим является одним из самых любимых в нашей стране польских поэтов. Его творчество служит великому делу мира и дружбы между народами.

Благодарная память о Юлиане Тувиме надолго сохранится в наших сердцах. Выражаем вам и семье покойного свое искреннее сердечное соболезнование.

Александр ФАДЕЕВ, Алексей СУРКОВ, Константин СИМОНОВ, Николай ТИХОНОВ, Николай ГРИБАЧЕВ, Леонид ЛЕОНОВ, Борис ПОЛЕВОЙ, Микола БАЖАН, Петрусь БРОВКА».

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03873